Любовь вне правил

Автор:
Джей Крауновер

Любовь вне правил

Джей Крауновер

Все оттенки желания

Хорошие девочки любят плохих парней, – так было, и так будет. И Шоу Лэндон, влюбившаяся в Рула Арчера с первого взгляда, – не исключение из общего правила.

Однако что может быть общего у девушки из хорошей семьи, скромной студентки-отличницы медицинского института, с лихим татуированным бунтарем, снова и снова бросающим вызов окружающему миру, – помимо того, что в свое время она встречалась с его погибшим братом? Сердцу не прикажешь, – но какова должна быть сила любви, чтобы Шоу и Рул, совершенно разные, сумели понять, что никакие различия не смогут им помешать стать счастливыми вместе?..

Джей Крауновер

Любовь вне правил

Роман

Jay Crownover

Rule

© Jennifer M. Voorhees, 2012

© Перевод. В. С. Сергеева, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Сначала я подумал, что мозг стучится изнутри в черепную коробку после десяти порций виски, выпитых накануне, а потом понял, что кто-то быстро шагает по квартире. Она была здесь, и я с ужасом вспомнил, что уже воскресенье. Сколько бы раз я ее ни предупреждал, как бы ни грубил, в каком бы растерзанном и отталкивающем виде она ни находила меня, но все равно появлялась каждое воскресное утро, чтобы отвезти к родителям на ланч.

Тихий стон с другого края кровати напомнил мне, что вчера вечером я вернулся из бара не один. Я не помнил, как звали девушку, как она выглядела и стоило ли затраченных усилий время, проведенное в постели. Я провел рукой по лицу и спустил ноги с кровати в то самое мгновение, когда распахнулась дверь спальни. Не следовало давать этой занозе ключ. Я даже не удосужился прикрыться – Шоу уже привыкла, входя, видеть меня похмельным и голым. Так зачем напрягаться? Моя соседка по кровати перекатилась на спину и прищурилась, разглядывая неожиданное прибавление в нашей маленькой компании.

– Если не ошибаюсь, ты сказал, что у тебя нет девушки?…

От обвинительных ноток в ее голосе я тут же ощетинился. У телки, которая не прочь зайти к незнакомому парню и заняться с ним ни к чему не обязывающим сексом, нет никакого права выступать, особенно если она голая и растрепанная лежит у него в постели.

– Блин, – сказал я, глядя на стоявшую в дверях блондинку и приглаживая рукой волосы.

Та многозначительно приподняла бровь.

– Да уж.

Я бы тоже приподнял бровь, если бы голова не раскалывалась, но, в любом случае, усилия пропали бы даром – к моим шпилькам Шоу была нечувствительна.

– Сейчас сварю кофе. Я уже предложила Нэшу, но он сказал, что спешит на работу. И буду ждать в машине.

Она развернулась на каблуках и исчезла. Я с трудом поднялся на ноги и принялся искать трусы, которые вчера вечером куда-то бросил.

– Эй, что вообще тут происходит?

Я уже забыл про девушку в моей постели. Негромко выругавшись, я натянул футболку, которая казалась относительно чистой.

– Мне надо идти.

– Куда?

Я хмуро взглянул на случайную подружку, когда она приподнялась, прижав одеяло к груди. Хорошенькая, с красивым телом, насколько я мог судить. Интересно, какие уловки я пустил в ход, чтобы заманить ее домой. С такой девчонкой я бы в норме не возражал проснуться рядом.

– Надо в одно место… в общем, вставай и собирайся. Обычно дома мой сосед, но сегодня он рано убежал на работу, так что одевайся и уматывай.

Она нахмурилась.

– Ты шутишь?

Я посмотрел на нее через плечо, пока вытаскивал ботинки из-под груды нестираного белья и всовывал в них ноги.

– Нет.

– Ну ты придурок. Как насчет «спасибо, ты просто супер, давай пообедаем вместе»? Просто «одевайся и вали», блин?!

Она отбросила одеяло, и я заметил, что на боку у нее, с заходом на плечо и ключицу, красивая татуировка. Наверное, это и привлекло меня к ней в пьяном угаре.

– Ну ты и урод.

И даже хуже. Но этой телочке, одной из очень-очень многих в моей постели, необязательно было это знать. Я мысленно выругал своего соседа, Нэша. Вот кто был виноват. Мы дружили с начальной школы, и в норме я всегда мог рассчитывать на то, что поутру в воскресенье он за меня впишется, но я совсем забыл, что сегодня к нему пришел клиент. Теперь мне предстояло в одиночку выпроваживать вчерашнюю красотку и шевелиться, пока моя заноза не укатила одна, поскольку это создало бы гораздо больше проблем, чем я, в своем нынешнем состоянии, сумел бы переварить.

– Как тебя, кстати, зовут?

И тут она пришла в ярость. Натянула коротенькую черную юбку и микроскопический топик, взъерошила гриву крашеных светлых волос и устремила на меня глаза, обведенные размазавшейся тушью.

– Люси. Ты вообще ничего не помнишь?

Я выдавил себе на голову какую-то дрянь из тюбика, чтобы поставить волосы торчком, и обрызгался одеколоном, надеясь скрыть запах секса и перегара, буквально въевшийся в кожу. А потом стал терпеливо дожидаться, пока Люси прыгала по комнате, надевая туфли на шпильках, которые буквально кричали о пристрастии к грязному сексу.

– Я Рул.

Наверное, надо было пожать ей руку, но я решил, что это глупо, поэтому просто указал в сторону входной двери, а сам зашел в ванную, чтобы избавиться от вкуса виски во рту.

– На кухне есть кофе. Оставь свой телефон, как-нибудь созвонимся. Воскресенье – не самый удачный мой день.

Она даже не представляла себе насколько.

Люси гневно уставилась на меня и постучала об пол мыском туфли.

– Ты что, правда не знаешь, кто я?

На сей раз, вопреки мольбам пылающего мозга, я приподнял брови и взглянул на нее с полным ртом зубной пасты. Я стоял и смотрел, пока она не указала на свою татуировку, пронзительно крикнув:

– Ты должен, по крайней мере, помнить эту штуку!

Неудивительно, что мне так понравилась ее татушка – я сам ее делал. Я выплюнул пасту в раковину и посмотрел на себя в зеркало. Выглядел я отвратно. Глаза покраснели и слезились, кожа серая, на шее засос размером с тарелку… Я подумал: мама придет в восторг. Как и от прически. Свои густые темные волосы я выбрил с боков, словно их стригли газонокосилкой, и покрасил спереди в красивый фиолетовый цвет. Мои старики уже некогда взвились из-за татуировки, которая обвивала обе руки и переходила на шею, и новая прическа должна была поставить последнюю точку. Поскольку я ничего не мог сделать, чтобы из зеркала на меня перестал смотреть кромешный ужас, я выбрался из ванной, бесцеремонно схватил девицу за локоть и потащил к двери, решив впредь ходить в гости, а не приглашать к себе. Так будет намного проще.

– Послушай, мне кой-куда надо, и я не то чтобы очень хочу ехать, но если ты начнешь ломаться и устраивать сцены, я здорово разозлюсь, и только. Надеюсь, ты хорошо провела время ночью – если есть охота, оставь телефон, но мы оба знаем, что я вряд ли тебе позвоню. Если не хочешь, чтобы с тобой обращались

как с дерьмом, не спи с незнакомыми пьяными парнями. Поверь, им всем нужно только одно, и наутро они мечтают только о том, чтобы девушка ушла без скандала. У меня болит голова, я вот-вот блевану, и вдобавок следующий час придется сидеть в машине с человеком, который в душе желает мне мучительной смерти, поэтому, ей-богу, давай обойдемся без истерики и будем двигаться поживей, ладно?

К тому моменту я уже дотолкал Люси до выхода и увидел свою мучительницу в машине, припаркованной рядом с моим пикапом. Она явно проявляла нетерпение – и наверняка нажала бы на газ, если бы я протянул еще немного. Я слабо улыбнулся Люси и пожал плечами – в конце концов, бедняга была не виновата, что переспала с придурком. Даже я понимал, что она не заслуживала такого грубого посыла.

– Слушай, не расстраивайся. Я могу быть обаятельной сволочью, когда хочу. Ты далеко не первая и не последняя, перед кем я ломаю эту комедию. Я очень рад, что татушка получилась, и, надеюсь, у тебя в памяти останется именно она, а не сегодняшнее утро.

Я рысью спустился со ступенек, не оглядываясь, и рывком распахнул дверь стильного черного БМВ. Я ненавидел эту машину, в том числе за то, что она так подходила своей хозяйке. Стильная, блестящая, дорогая – вот какими словами можно было описать мою спутницу. Как только мы выехали с парковки, Люси что-то проорала и показала мне средний палец. Моя спутница закатила глаза и вполголоса проговорила: «Классика». Она привыкла к маленьким скандалам, которые закатывали вчерашние подружки, когда поутру я их отшивал. Как-то раз даже пришлось заменить ветровое стекло: одна запустила в меня камнем и немного промахнулась.

Я отодвинул сиденье, чтобы вытянуть ноги, и прислонился головой к стеклу. Поездка всегда была долгой и проходила в мучительном молчании. Иногда – сегодня, например, – я радовался тишине, в других случаях она действовала мне на нервы. Мы со школьных лет буквально жили бок о бок, и она знала все мои изъяны и слабости. Мои родители любили Шоу, как родную дочь, и совершенно не парились из-за того, что предпочитали ее общество моему. Казалось бы, при таком количестве общих воспоминаний, хороших и плохих, мы бы несколько часов могли продолжать легкий светский разговор, не испытывая никаких трудностей…

– Ты запачкаешь мне все стекло той гадостью, которой намазал волосы.

Голос Шоу, наводивший на мысль о сигаретах и виски, контрастировал со всем остальным, ассоциировавшимся, скорее, с шелком и шампанским. Что-что, а ее голос я всегда любил и в хорошие дни часами мог слушать, как она разговаривала.

– Да ладно, расслабься.

Она фыркнула. Я закрыл глаза, скрестил руки на груди и приготовился ехать в молчании, но, видимо, у Шоу было что сказать сегодня. Как только мы выехали на шоссе, она приглушила радио и позвала:

– Рул.

Я слегка склонил голову набок и приоткрыл один глаз.

– Шоу?

Имя у нее тоже было изысканное, как и вся она – светлокожая, с белыми, как снег, волосами, с зелеными глазами, похожими на яблоки, миниатюрная, на целый фут ниже меня, и при этом с потрясающими формами. На таких девушек заглядываются парни, просто потому что ничего не могут с собой поделать. Но как только она обращала свои ледяные зеленые глаза в их сторону, они живо понимали, что шансов нет. Шоу воплощала недоступность, точно так же, как некоторые другие девушки всем своим существом буквально кричали «приди и возьми».

Шоу выдохнула, на лбу у нее затрепетала челка. Она взглянула на меня краем глаза, и я застыл, заметив, с какой силой она стискивала руль.

– Что случилось?

Она прикусила губу. Явный знак волнения.

– Ты, кажется, целую неделю не отвечал на мамины звонки?

Я был не то чтобы очень близок со своими предками. На самом деле мы просто друг друга терпели, и не более, вот почему мать каждые выходные посылала Шоу притащить меня к ним домой. Мы оба родились в маленьком городке под названием Бруксайд. Я переехал в Денвер, как только окончил школу, и через пару лет за мной последовала Шоу, которая была чуть младше. Она всегда мечтала поступить в Денверский университет. Мало того что эта девочка выглядела как сказочная принцесса – она еще и хотела стать врачом, блин. Моя мать знала, что я ни за какие коврижки не попрусь к ним на выходных (два часа в один конец), но, если за мной явится Шоу, придется поехать. Во-первых, мне делалось стыдно, что она ради этого выкраивала время в своем забитом расписании, а во-вторых, Шоу платила за бензин, ждала, пока я вылезал из постели, и каждое воскресенье тащила меня, долбаного придурка, домой. И ни разу за два года не пожаловалась.

– Я всю неделю был занят.

Я действительно был занят – и не любил разговаривать с матерью, поэтому так и не перезвонил, хотя та звонила трижды.

Шоу вздохнула и еще крепче сжала руль.

– Она хотела сказать, что Рома ранили. Ему дали отпуск на полтора месяца. Твой отец ездил за ним вчера на базу в Спрингс.

Я так резко выпрямился, что стукнулся головой о крышу машины. Выругался и потер затылок, отчего голова заболела еще сильнее.

– В каком смысле – ранен?

Ром – мой брат, на три года старше. Он служил в армии и последние шесть лет, по большей части, провел за границей. Мы довольно близко общались, и, хотя ему не нравилось, что я отдалился от родителей, я не сомневался, что сам получил бы от Рома весточку, если бы с ним что-то случилось.

– Не знаю. Марго сказала, что-то произошло с машиной, в которой они ехали. Кажется, он сильно пострадал. Сломал руку и несколько ребер. Марго страшно расстроена, я даже не сразу поняла, в чем дело, когда она позвонила.

– Ром позвонил бы мне.

– Его, во-первых, накачали лекарствами, а во-вторых, последние два дня непрерывно выясняли, что случилось. Он попросил твою маму позвонить тебе, потому что вы, Арчеры, упрямы как черти. Марго предупредила, что ты не ответишь, но он все-таки надеялся, что она дозвонится.

Мой брат вернулся домой, а я об этом не знал.

Я вновь закрыл глаза и прислонился к подголовнику.

– Черт, ну и новости. А ты не собираешься заодно навестить своих? – спросил я.

Не нужно было смотреть на Шоу, чтобы догадаться, как она разнервничалась. Я буквально чувствовал напряжение, исходившее от нее ледяными волнами.

– Нет.

Ни слова больше. Да я и не ждал. Арчеры – не самая дружная и любвеобильная семья, но до Лэндонов нам было далеко. Родители Шоу буквально мочились деньгами. А еще они изменяли и обманывали, разводились и вступали в новые браки. Судя по тому, что я наблюдал год за годом, они не особенно интересовались своей биологической дочерью, которую, похоже, зачали, чтобы получить налоговую скидку. Я знал, что Шоу нравились мои старики, потому что она, бедняжка, считала нас нормальной семьей. Я не злился на нее за это – более того, был ей благодарен, потому что она отвлекала огонь на себя. Поскольку Шоу хорошо училась, встречалась с перспективными парнями и вообще вела жизнь, о которой мои родители всегда – и тщетно – мечтали для своих сыновей, они почти не лезли ко мне. Ром находился на другом континенте, и я был единственной доступной для них мишенью, а потому бессовестно пользовался Шоу как прикрытием.

– Господи, я три месяца не общался с Ромом, будет классно повидаться. Может быть, я уломаю его приехать в Денвер и потусить со мной и с Нэшем. Уж наверное, он хочет немного развлечься.

Шоу опять вздохнула и сделала радио чуть громче.

– Тебе двадцать два, Рул. Когда ты наконец перестанешь вести себя, как подросток? Ты хоть спросил, как зовут ту девушку? И, кстати говоря, от тебя несет как от перегонного завода и стиптиз-клуба одновременно.

Я фыркнул и вновь закрыл глаза.

– Тебе девятнадцать, Шоу. Когда ты перестанешь жить по чужим стандартам? Да моя восьмидесятилетняя бабушка чаще развлекается, чем ты. Чего ты вечно напрягаешься?

Я не стал говорить, чем от нее пахнет, потому что от Шоу пахло приятно, а я не собирался делать ей комплименты.

Она сердито уставилась на меня, и я подавил улыбку.

– Мне нравится бабушка Этель, – угрюмо сообщила она.

– Она всем нравится. Она бойкая и никому спуску не даст. Ты бы могла кое-чему у нее поучиться.

– Да? Может, сразу покрасить волосы в розовый цвет, сделать татуировки на всех мыслимых частях тела, утыкать лицо железом и начать спать с кем попало? Это, по-твоему, значит жить насыщенной жизнью?

Глаза у меня немедля распахнулись, а оркестр в голове решил сыграть на бис.

– По крайней мере я делаю что хочу. Я знаю, кто я и что я, Шоу, и ни у кого не прошу извинений. А ты сейчас говоришь совсем как моя мать.

Она скривила губы.

– Давай перестанем обращать друг на друга внимание, ладно? Я просто подумала, что надо сказать тебе про Рома. Вы, Арчеры, не фанаты сюрпризов.

Шоу была права. По моему опыту, сюрпризы никогда не бывали хорошими. Обычно они заканчивались ссорой. Я любил брата, но, признаться, слегка обиделся оттого, что он, во-первых, не удосужился сам дать мне знать, что

пострадал, а во-вторых, упорно заставлял меня быть повежливее с предками. Я решил, что идея Шоу – игнорировать друг друга до конца поездки – весьма неплоха, а потому развалился на сиденье, насколько позволял маленький спортивный автомобиль, и задремал. Я проспал минут двадцать, когда зазвонил мобильник. Я проморгался и потер небритое лицо. Прическа и засос, возможно, не смутили бы маму, но она непременно закатила бы истерику из-за того, что я не побрился ради ее драгоценного ланча.

– Нет, я же сказала, что поехала в Бруксайд и вернусь поздно, – сказала Шоу в телефон.

Она, видимо, почувствовала мой взгляд, потому что мельком взглянула на меня, и я увидел, как ее щеки слегка порозовели.

– Нет, Гейб, я уже предупредила, что не смогу, мне еще сдавать лабу.

Я не мог разобрать слов в трубке, но, видимо, звонивший сердился, что его отшивали. Шоу сильнее стиснула мобильник.

– Не твое дело. Мне некогда, перезвоню.

Она провела пальцем по экрану и сунула телефон в подстаканник, рядом с моей ногой.

– Гром в раю?

Меня, в общем, не особо интересовали Шоу и ее богатенький бойфренд, будущий властелин мира, но она явно расстроилась, и я решил побыть любезным. Я никогда не видел Гейба, но, судя по тому, что слышал от мамы – когда удосуживался слушать, – он идеально подходил для Шоу, мечтавшей о карьере врача. Он тоже происходил из богатой семьи, сын юриста или что-то в этом роде, подробностей я знать не желал – совершенно не сомневался, что Гейб носил брюки со складочкой, розовую рубашку и белые мокасины.

Я подумал, что Шоу не ответит, но та вдруг кашлянула и принялась барабанить наманикюренными пальчиками по рулю.

– Мы, в общем, расстались, но, кажется, Гейб этого еще не понял.

– Правда?

– Да, пару недель назад. Я уже давно собиралась. Я слишком занята учебой и работой, чтобы еще встречаться с парнем.

– Если б он тебе подходил, ты бы так не говорила. Нашла бы время, если бы любила его.

Она взглянула на меня, приподняв светлые бровки.

– Ты, мальчик по вызову, пытаешься давать мне советы?

Я закатил глаза, и голова возопила от боли в знак протеста.

– Допустим, я никогда не отдавал предпочтения одной-единственной девушке, но это не значит, что я не вижу разницы между качеством и количеством.

– В жизни не поверю. Короче, Гейб просто хотел большего, чем я могла дать. Родители страшно расстроятся, он им обоим нравился.

– Это точно. Судя по тому, что я знаю, он был просто создан для того, чтоб порадовать твоих предков. А в каком смысле – он хотел больше, чем ты могла ему дать? Предложил тебе колечко спустя всего полгода?

Шоу искоса взглянула на меня и скривила губы в презрительной усмешке.

– Ничего подобного. Он настаивал, чтоб отношения у нас стали серьезнее, чем мне бы хотелось.

Я негромко рассмеялся и потер лоб между бровей. Голова уже не болела, а тупо пульсировала – с этим можно было жить. Я подумал: надо попросить Шоу заехать в «Старбакс» за кофе, иначе я не доживу до вечера.

– Ты, недотрога, имеешь в виду, что он пытался залезть тебе в трусы, а ты ему не давала?

Шоу прищурилась. Машина свернула с шоссе на дорогу, ведущую в Бруксайд.

– Слушай, давай заедем в «Старбакс». И между прочим, ты не ответила на вопрос.

– Если будем останавливаться, то опоздаем. И между прочим, вовсе не каждый парень думает только о сексе.

– Небо не рухнет, если мы опоздаем к Марго на пять минут. И ты, наверное, шутишь – или правда полгода не давала Гейбу? Ни фига себе.

Я искренне рассмеялся. Хохотал так, что пришлось обхватить голову обеими руками, поскольку мозг, одурманенный виски, вновь запротестовал. Немного переведя дух, я слезящимися глазами уставился на Шоу.

– Если ты считаешь, что он не хотел тебя трахнуть, ты не такая умная, как я думал. Каждый мужчина моложе девяноста хочет трахнуть девушку, с которой встречается, Шоу, особенно если считает себя ее парнем. Я сам мужчина, уж я-то знаю.

Она вновь прикусила губу, словно признавая, что я прав, и остановилась на парковке у «Старбакса». Я выскочил из машины, чтобы размять ноги и немного отдохнуть от ее обычного высокомерия.

В закусочной была очередь, когда я туда вошел. Я быстро огляделся – нет ли знакомых? Бруксайд – город небольшой, и обычно, когда я приезжал на выходные, непременно встречал кого-нибудь, с кем вместе учился в школе. Я даже не стал спрашивать у Шоу, не принести ли и ей чего-нибудь: она и так злилась, что пришлось остановиться. Я уже почти дождался своей очереди, когда в кармане зазвонил мобильник. Я заказал большую порцию черного кофе, извлек телефон и занял место у стойки рядом с хорошенькой брюнеткой, которая украдкой меня разглядывала.

– В чем дело?

На заднем фоне, в салоне, ревела музыка. Нэш спросил:

– Как прошло утро?

Нэш знал мои недостатки и дурные привычки лучше, чем кто-либо. Наша дружба продолжалась так долго именно потому, что он никогда меня не осуждал.

– Ужасно. Похмелье, всех убить хочется, а придется сидеть на очередной семейной тусовке. Ну и Шоу сегодня в исключительном настроении.

– А как та вчерашняя девочка?

– Понятия не имею, я даже не помню, как мы ушли из бара. Кстати, оказывается, я ей набил здоровую татуху, и она обиделась, что я ее даже не вспомнил.

Нэш хихикнул в трубку.

– Она тебе вчера раз десять сказала про татуировку. Даже порывалась снять топик, чтобы показать. И, кстати, урод, это я вчера отвез вас домой. Пытался выставить тебя часов в двенадцать, но ты, как всегда, и слушать не стал. Пришлось вести пикап, а потом на такси возвращаться за своей машиной.

Я фыркнул и потянулся за кофе, когда парень за прилавком меня окликнул. Брюнетка уставилась на мою руку, на которой была изображена голова королевской кобры. Раздвоенный змеиный язык заменял букву «Л» в моем имени, вытатуированном на костяшках пальцев. Туловище змеи обвивалось вокруг предплечья, доходя до самого локтя. У брюнетки отвисла челюсть от удивления. Я подмигнул ей и зашагал обратно к машине.

– Прости, старик. Как вообще дела с утра?

Фил, дядя Нэша, открыл несколько лет назад тату-салон на Кэпитол-Хилл. Сначала он обслуживал в основном байкеров и парней из уличных банд. Потом, когда район населили молодые хипстеры и тому подобная публика, «Меченый» стал одним из самых популярных салонов в городе. Мы с Нэшем познакомились на уроке рисования в пятом классе и с тех пор сделались неразлучными друзьями. С двенадцати лет мы мечтали перебраться в большой город и

работать у Фила. У нас обоих были несомненные способности и подходящий характер, чтобы придать салону популярности, а потому Фил без колебаний взял нас в ученики и приставил к работе, еще прежде чем нам стукнуло двадцать. Круто иметь друга, который занимается тем же, чем и ты; я носил на себе немало рисунков, от весьма посредственных до мастерских, отмечавших эволюцию Нэша в качестве татуировщика, и он мог похвастать тем же.

– Я закончил ту штуку, которую делал с июля. Получилось даже лучше, чем я думал, и мужик теперь хочет сделать еще одну на груди. Классно. Чаевых он не жалеет.

– Отлично, – я жонглировал телефоном и стаканом, пытаясь открыть дверцу машины, когда женский голос заставил меня застыть на месте.

– Эй.

Я посмотрел через плечо. Брюнетка стояла возле своей машины и улыбалась.

– Клевые у тебя татуировки.

Я улыбнулся в ответ – и отскочил, чуть не ошпарившись кипятком, потому что Шоу толкнула дверцу машины изнутри.

– Спасибо.

Будь мы ближе к дому – и если бы Шоу уже не пустила машину задним ходом, – я бы, возможно, задержался на секунду, чтобы попросить у брюнетки телефон. Шоу презрительно взглянула на меня, но я не удостоил ее вниманием и вернулся к разговору с Нэшем.

– Ром приехал. С ним что-то такое случилось. Шоу говорит, его послали домой на поправку. Мать мне всю неделю названивала.

– Вот блин. Спроси, он не хочет с нами потусить пару дней? Я скучаю по твоему грубияну братцу.

Я принялся за кофе, и голова наконец перестала болеть.

– Да, я тоже подумал. Заскочу к тебе на обратном пути и все расскажу.

Я отложил телефон и откинулся на спинку сиденья. Шоу сердито уставилась на меня, и я мог бы поклясться, что глаза у нее горели. Ей-богу. В жизни не видел такого яркого зеленого цвета. Когда она злилась, они сверкали просто неземным блеском.

– Пока ты флиртовал, звонила твоя мама. Сердится, что мы опаздываем.

Я отхлебнул еще немного божественного нектара и принялся отбивать свободной рукой ритм на коленке. Я человек довольно беспокойный, и, чем ближе мы подъезжали к родительскому дому, тем тревожней мне становилось. Воскресный ланч всегда проходил натянуто. Я решительно не понимал, отчего родители так настаивали на том, чтобы каждую неделю мучиться, а главное, зачем Шоу участвует в этом фарсе. Но все-таки ехал, пусть даже понимал, что ничего и никогда не изменится.

– Она сердится, что ты опаздываешь. Мы оба знаем, что ей все равно, приеду я или нет.

Мои пальцы задвигались еще быстрее, когда Шоу миновала ворота квартала и покатила по улочкам, тянувшимся до самых гор и застроенным одинаковыми миниатюрными особнячками.

– Ты сам знаешь, что это неправда, Рул. Я мотаюсь в Бруксайд каждые выходные и любуюсь твоей похмельной физиономией вовсе не потому, что твои родители жаждут каждое воскресенье угощать меня яичницей и блинами. Нет, они хотят видеть тебя, хотят наладить отношения с тобой, и неважно, сколько раз ты уже успел их оттолкнуть. Я в долгу перед ними, а прежде всего, перед Реми – сделать из тебя приличного человека, хотя, честное слово, на это уходят все силы.

Я втянул воздух сквозь стиснутые зубы, ощутив в груди слепящую боль, которая всегда накатывала, когда кто-нибудь упоминал брата. Пальцы, державшие стаканчик, непроизвольно разжались и вновь сомкнулись. Я резко развернулся и взглянул на Шоу.

– Реми не стоял бы у меня над душой и не заставлял бы делать то, что я не хочу. Я всегда был для родителей недостаточно хорош, и ничего не изменится. Брат понимал это лучше всех и старался стать таким, каким никогда не стал бы я.

Она вздохнула. Мы остановились на подъездной дорожке, рядом с отцовской машиной.

– Единственная разница между тобой и Реми – что он разрешает себя любить, а ты… – Шоу рывком открыла дверцу и метнула на меня сердитый взгляд через разделявшее нас пространство. – А ты заставляешь тех, кому небезразличен, доказывать это до упора. Ты всю жизнь старался, чтоб любить тебя было непросто, Рул, и, черт возьми, напоминаешь нам об этом раз за разом!

Она захлопнула дверцу с такой силой, что у меня заныли зубы, а голова вновь стала пульсировать.

Прошло три года. Три одиноких, пустых, полных скорби года с тех пор, как братьев Арчеров стало двое, а не трое. Я люблю Рома – он классный парень, образец для подражания по части всяких непотребств, но Реми был моей второй половинкой, буквально и метафорически. Мой близнец. Свет и тьма, мягкость и упорство, радость и гнев, совершенство и недостатки… без него я стал лишь частью, а не целым человеком. Минуло три года с тех пор, как я позвонил брату посреди ночи и попросил забрать меня с очередной гулянки, потому что сам был слишком пьян, чтобы сесть за руль. Три года с тех пор, как он вышел из квартиры, которую мы снимали вместе, и поехал за мной, не задав ни единого вопроса. Именно так он всегда и поступал.

Три года с тех пор, как Реми потерял контроль над машиной на скользком от дождя шоссе и врезался в грузовик, ехавший со скоростью более восьмидесяти миль. Три года с тех пор, как мы опустили в могилу моего близнеца, и, когда гроб Реми засыпали землей, мать посмотрела на меня, со слезами на глазах, и напрямик сказала: «На его месте должен был быть ты».

Прошло три года, и звука его имени по-прежнему достаточно, чтобы я вздрогнул, особенно когда оно звучит из уст единственного человека, которого Реми любил так же сильно, как меня.

Реми был всем, чем не стал я. Чистоплотный, хорошо одетый, он мечтал об образовании, о надежном будущем. Сравняться с ним в достоинствах могла лишь Шоу Лэндон. Эти двое дружили с тех пор, когда брат впервые пригласил девушку домой; ей было четырнадцать, и она пыталась вырваться из фамильной твердыни Лэндонов. Реми настаивал, что они просто друзья, что он любит Шоу как сестру, что всего лишь пытается защитить ее от ужасных бесчувственных родных. Он обращался он с ней почтительно и заботливо. Я знал, что он любил Шоу, и, поскольку любой поступок Реми считался по умолчанию правильным, Шоу быстро стала почетным членом семьи. Как бы это меня ни раздражало, она единственная по-настоящему понимала глубину моих страданий после смерти Реми.

Мне пришлось взять тайм-аут на несколько минут, чтобы успокоиться. Потом я быстро допил кофе и распахнул дверцу. И ничуть не удивился, увидев рослую фигуру, обходившую отцовский автомобиль, пока я выкарабкивался из маленькой спортивной машины. Брат был примерно на дюйм выше меня и сложен, как настоящий боец. Темно-каштановые волосы он стриг на типично военный манер, а в светло-голубых глазах, того же льдистого оттенка, что и мои, сквозила усталость. Ром неловко улыбнулся, и я присвистнул, потому что левая рука у него была в гипсе и на перевязи, нога тоже в лубке, лоб и бровь украшали безобразные черные швы. Безумный газонокосильщик, потрудившийся над моей прической, видимо, напал и на Рома.

– Ну и видок у тебя, солдат.

Он притянул меня к себе одной рукой, и я вздрогнул, когда ощутил под рубашкой повязку, наводившую на мысль о поврежденных ребрах.

– Ну да, как выгляжу, так примерно и чувствую себя. А ты прямо как цирковой клоун в этой машинке.

– Рядом с Шоу я как клоун вне зависимости от машины.

Ром отрывисто рассмеялся и провел загрубелой рукой по моим взъерошенным волосам.

– Вы по-прежнему смертельные враги?

– Скорее, недовольные соседи. Она чопорная, как обычно. Почему ты мне не позвонил и не написал, что ранен? Пришлось выслушивать новости от Шоу по дороге сюда.

Он ругнулся, когда мы медленно двинулись к дому. Я с болью наблюдал, как осторожно Ром двигался. Возможно, травмы были серьезнее, чем казалось на первый взгляд.

– Я потерял сознание, когда машина перевернулась. Мы наехали на взрывное устройство, ну и вот. Неделю пролежал в госпитале с разбитой головой, а когда очнулся, нужно было делать операцию на плече, и меня накачали лекарствами. Я позвонил маме и попросил рассказать тебе, как было дело, а потом узнал, что, как обычно, ты не ответил на ее звонки.

Я пожал плечами и протянул руку, чтобы помочь Рому, когда он запнулся на ступеньках, ведущих к двери.

– Занят был.

– Ты просто упрям.

– Да ладно. Я ведь приехал, правда? Я только сегодня утром узнал, что ты тут.

– Ты приехал потому, что малютка Шоу полна решимости удержать нашу семью от распада, пусть даже мы ей не родные. Топай в дом и веди себя хорошо, иначе я не посмотрю, что у меня рука сломана, и надеру тебе задницу.

Я вполголоса выругался и вошел в дом вслед за моим перевязанным братцем. Воскресенье никогда не было моим любимым днем.

Глава 2

Я закрыла дверь ванной и повернула защелку, а потом привалилась к раковине и провела дрожащими руками по лицу. Становилось все труднее и труднее играть для Рула роль дуэньи на еженедельных семейных сборищах. Я и так уже

чувствовала, что наживаю язву. Пожалуй, если бы мне еще раз пришлось столкнуться с очередной девкой из бара, я вряд ли вышла бы из его комнаты, не совершив убийства.

Я умылась холодной водой и подняла с шеи волосы. Нужно было собраться с духом, поскольку меньше всего я хотела, чтобы Марго и Дейл или Ром заметили, будто что-то не так. Ром вообще отличался редкой наблюдательностью, и у меня возникло ощущение, что он, даже накачанный лекарствами, не упустит ни одной мелочи, если речь зайдет о младших членах семьи. Раз уж, теоретически, я играла роль сестры.

Общаться с Рулом становилось все тяжелее, и не только потому, что, глядя на него, я с болью вспоминала о том, чего лишилась. Марго и Дейл боролись что есть сил, а Рул, бесчувственная скотина, не проявлял ни малейшего сочувствия родителям. Он человек непростой – резкий, языкастый, беспечный, бездумный, зачастую капризный. В общем и целом, заноза в заднице. Но если Рул хотел, то делался милым и обаятельным, необыкновенно умным, чертовски интересным, душой компании. Я с четырнадцати лет безумно была влюблена в Рула, плохого и хорошего. Конечно, я любила и Реми – как брата, как лучшего друга, как верного защитника, которым он стал для меня, но любовь к Рулу как будто сделалась целью моей жизни. Как будто это было неизбежно, и неважно, сколько раз я убеждалась, что Рул того не стоит, что мы не подходим друг другу, что он грубиян и придурок. Я ничего не могла с собой поделать. Когда он давал мне понять, что смотрит на меня исключительно как на дармового водителя, мое бедное сердце разрывалось на части.

Моя собственная семья представляла собой плачевное зрелище, и я была бы совсем другой, если бы не Арчеры. Реми протянул мне руку помощи, когда в школе я страдала от одиночества. Он пригрозил поколотить парня, который довел меня до слез, потому что он мне нравился, а я ему нет. Марго ездила со мной по магазинам, когда я искала платье на выпускной бал, ведь моя родная мать была слишком занята новым мужем. Дейл свозил меня в Денверский университет и в Колорадо-Боулдер и помог рационально сократить список, когда речь зашла о выборе колледжа. А Рул… что ж, Рул служил вечным напоминанием, что за деньги нельзя получить всё, что хочешь; как бы я ни стремилась к совершенству, как бы ни старалась оправдать ожидания окружающих, он не ценил моих усилий.

Я наконец выдохнула – целый час, казалось, не дышала – и взяла салфетку, чтобы вытереть размазавшуюся тушь под глазами. Если сию минуту не вернусь в столовую, Марго непременно побежит на поиски. А я вряд ли сумела бы объяснить, отчего рыдала в ванной. Я достала из кармана резинку, собрала волосы в низкий хвост, намазала губы блеском и мысленно прочла себе нотацию: ведь я проделывала это уже миллион раз, и нынешнее воскресенье ничем не отличалось от предыдущих.

Как только я вышла в коридор, зазвонил мобильник, и я едва подавила стон, увидев имя Гейба. Включила автоответчик и задумалась в сотый раз за минувший месяц, отчего вообще тратила время на этого напыщенного идиота. Избалованного, жадного, мелкого, гораздо больше заинтересованного в богатстве моих родителей, чем во мне. Если честно, мне не хотелось с ним встречаться – вообще ни с кем не хотелось встречаться, – но родители настояли. Как обычно, под их давлением я сдалась и стала общаться с Гейбом. В итоге я терпела его намного дольше, чем, казалось, была способна. Гейба сильнее всего интересовал он сам. Лишь когда он начал требовать секса, доставляя массу неприятных ощущений и прикасаясь к таким частям тела, к которым я не желала его подпускать, – лишь тогда я поставила точку. К сожалению, ни до Гейба, ни до моих родителей это как будто не дошло, и последние две недели меня осаждали звонками, сообщениями и письмами. Увильнуть от Гейба было несложно, а вот от моей матери – увы.

Я как раз засовывала телефон в карман, когда услышала над собой негромкий голос.

– Ну, что с тобой, сестренка? Я полгода не был дома, а ты всего-навсего меня обняла и чмокнула, а потом убежала? Где слезы? Где бурная радость, что я вернулся целый и невредимый? Что творится в твоей умной головке? Я ведь вижу, что ты о чем-то думаешь.

Я истерически рассмеялась и уткнулась лбом в мускулистую грудь. Ром, даже израненный и ослабевший, защищал дорогих ему людей от всего, что могло причинить им боль. Он погладил меня по голове и положил широкую ладонь на затылок.

– Я скучал по тебе, Шоу. Ты даже не представляешь, как приятно вернуться домой.

Я слегка вздрогнула и осторожно обняла Рома, чтобы прижаться к нему, не причинив боли.

– Я тоже скучала, Ром. Извини, просто вымоталась. Занятий много, три-четыре вечера в неделю я работаю, и родители не дают мне покоя из-за того парня, с которым я недавно рассталась. Ты же знаешь, я люблю, когда мы собираемся вместе. Я думала, твою маму вот-вот удар хватит, когда она рассказывала, что случилось. Я так рада, что ты жив. Вряд ли твоя семья пережила бы потерю еще одного сына.

– Да уж. Даже не верится, что мама по-прежнему заставляет тебя возить моего идиота братца.

Я взяла Рома под руку, и мы зашагали к столовой.

– А как иначе? Если я пропускаю воскресенье, потому что готовлюсь к занятиям, ну или если вдруг что-нибудь случается, он никуда не едет. В половине случаев, когда я приезжаю к Рулу, он даже не помнит, какой день на дворе, и с трудом вылезает из постели, чтобы открыть дверь. Как сегодня, например. А если уж я явилась, он волей-неволей поедет со мной, и неважно, чем он занят и с кем.

Ром негромко выругался.

– Если раз в неделю он посидит со стариками, то не умрет. С какой стати тебе с ним нянчиться?

Я пожала плечами, ведь мы оба знали, что у каждого из братьев Арчеров своя функция в семье. Реми играл роль добродетельного сына, примерного ученика, будущего студента «Лиги плюща». Еще на него взвалили обязанность вытаскивать Рула из передряг и служить посредником, если близнец впутывался в неприятности, из которых не мог выбраться сам. Рул был блудным сыном, он отрывался по полной программе и не спешил извиняться перед теми, кого обидел в процессе. Старшего брата близнецы обожали и следовали за ним куда угодно, в том числе на всякие непотребства, потому что, ей-богу, все трое отличались такой внешностью, что на пути у них возникало немало соблазнов. Когда Реми не стало, никто не удивился, что Ром начал вплотную опекать оставшегося брата, а я потихоньку приняла на себя обязанность удерживать Рула на узком пути добродетели.

– Это самое малое, чем я могу помочь Марго и Дейлу. Они всегда так много делали для меня и ничего не просили взамен. Терпеть раздражение Рула раз в неделю – небольшая жертва.

Что-то сверкнуло в глазах Рома, таких же ярких, как у брата, так что иногда было больно в них смотреть. Ром отличался умом, и я не удивилась бы, если бы оказалось, что он знал гораздо больше о тех вещах, которые я таила в глубине души.

– Просто не хочу, чтобы Рул на тебе упражнялся. Маме пора поставить точку, и ему тоже. Мы уже взрослые, и жизнь слишком коротка, чтобы ты непрерывно играла роль посредника.

Я вздохнула и понизила голос, потому что мы подошли к столовой. Стол был накрыт, все сидели на обычных местах. Дейл во главе стола, Марго справа, рядом с ней оставили место для меня, а слева от отца – для Рома. Рул уселся на противоположном конце, подальше от родителей.

– Им придется смириться, что из Рула никогда не получится Реми, а ему перестать намеренно тыкать этим в глаза. Пока кто-нибудь не уступит первым и не научится прощать, в доме всегда будет война.

Ром легонько поцеловал меня в висок и приобнял в ответ.

– По-моему, никто даже не понимает, как им повезло с тобой, сестренка.

Я отправилась на свое место, между Марго и Рулом, и постаралась не морщиться, когда Рул искоса взглянул в мою сторону – он догадывался, что мы с Ромом, скорее всего, говорили о нем. Я села и улыбнулась Дейлу, который принялся раскладывать обильное угощение по тарелкам. И уже собиралась спросить у Рома, как тот намерен провести отпуск, когда Марго вдруг сказала:

– Рул, тебе очень тяжело явиться домой в рубашке, на которой есть пуговицы, и в брюках, которые вынуты не из помойки? Твой брат, хотя серьезно пострадал, и то выглядит лучше, чем ты.

Я вовремя прикусила язык, иначе бы попросила ее оставить сына в покое. В основном, потому что семейные сборища, предположительно, должны проходить неформально и весело. Я прекрасно знала, что, если бы я приехала в джинсах и футболке, Марго и бровью бы не повела, но раз в таком виде явился Рул, она сочла это прямым вызовом.

Он взял с тарелки, которую я ему протянула, два кусочка бекона и даже не удостоил мать ответом, а вместо этого повернулся к брату и спросил, какие у него планы. Рул приглашал Рома в город на недельку, повеселиться с ним и Нэшем. Я увидела, как Марго поджала губы, а Дейл неодобрительно нахмурился. Примерно то же самое я наблюдала каждое воскресенье. У меня сердце заныло, потому что даже в мятой рубашке и рваных джинсах он выглядел сногсшибательно. Рула не портили ни татуировки, которые покрывали его с головы до пят, ни обилие металла на лице.

Невозможно было отрицать, что Рул красив, пожалуй, даже слишком красив, но легким нравом он не отличался и старательно маскировал свою природную красоту. Среди братьев он обладал самыми яркими синими глазами, а волосы, когда Рул не красил их в фиолетовый или зеленый, были особенно густыми и блестящими. Даже разукрашенный во все цвета радуги, из троих Арчеров именно Рул служил главным магнитом для девушек. Вроде той брюнетки в «Старбаксе». Ее звали Эми Роджерс, и четыре года в старших классах она и ее подружки меня мучили. Она встречалась с лучшими спортсменами и парнями из самых богатых семей, а вовсе не с теми ребятами, которые носили ирокезы и прокалывали себе брови и губы. Но даже Эми не могла устоять перед волшебным обаянием Рула Арчера.

– И что ты сделал со своими волосами, сын? – подхватил Дейл. – Выбрал бы для разнообразия какой-нибудь природный цвет, раз уж семья собралась вместе, и мы все счастливы, что твой брат вернулся целым и невредимым.

Я мысленно застонала и молча взяла вазу с фруктами из рук Марго. Раз уж родители на него ополчились, Рул просто обязан был ответить. Обычно он пропускал слова матери мимо ушей, а с отцом обменивался короткими саркастическими репликами. Но нападения с двух сторон в тот момент, когда он намеревался поговорить с Ромом, Рул не потерпел бы. Даже в лучшие времена он быстро вспыхивал, а уж с похмелья, когда ему, мягко выражаясь, недоставало вежливости, следовало ожидать настоящей бури. Я испуганно взглянула на Рома, но, прежде чем он успел вмешаться, Рул ответил Дейлу –

словно залепил пощечину.

– Знаешь, пап, фиолетовый – это вообще-то природный цвет. Не знаю, чего ты вообще начал. И, раз уж речь об одежде, скажи спасибо, что я в принципе надел штаны, потому что с утра Шоу нашла меня в природном состоянии. А теперь, если с критикой закончено, можно я наконец поговорю с братом, которого не видел почти год, тем более что он чуть не подорвался на бомбе?

Марго уронила челюсть, Дейл отодвинул стул от стола. Я опустила голову и потерла лоб.

– Один раз, Рул. Один, черт возьми, раз, больше мы ни о чем не просим!

Дейл вылетел из столовой, а Марго немедленно расплакалась. Она закрыла лицо салфеткой, и я неловко потянулась к ней, чтобы погладить по плечу. Рул тоже поднялся и зашагал к двери. Я перевела взгляд на Рома – тот покачал головой и с трудом встал. Марго подняла голову и умоляющими глазами посмотрела на старшего сына.

– Скажи ему, Ром. Скажи, что нельзя так вести себя с родителями. Он нас совсем не уважает.

Она указала трясущимся пальцем на дверь.

– Скажи ему, что это недопустимо.

Ром посмотрел на меня, потом на мать.

– Конечно, ма. Но тебе я тоже кое-что скажу: ты зря так набрасываешься на Рула. Ну какая разница, если он хочет ходить в рваных джинсах и красить волосы, как клоун? Главное – то, что он здесь, что он хотя бы приложил немного усилий. Хотя у Шоу полно дел, она тратит свое время, чтобы порадовать тебя и папу. А вы оба выждали ровно три секунды, чтобы нарочно ударить по больному.

Марго ахнула, но Ром еще не закончил.

– Вам с отцом надо привести мозги в порядок. С тем же успехом я мог вернуться домой не в гипсе, а в гробу. Вы уже потеряли одного сына, так цените же оставшихся, вне зависимости от того, одобряете вы наш выбор или нет!

Слезы хлынули потоком, и Марго опустила голову мне на плечо.

– Шоу сама любит приезжать к нам по воскресеньям. Я зря просила ее привезти Рула, ведь ему этого совершенно не хочется. Я больше не могу насильно возвращать его в семью, я просто не выдержу…

Ром покачал головой, и мы оба вздохнули. Он вышел вслед за братом из комнаты, а я вновь погладила Марго по плечу. Она была добра, обращалась со мной как с родной дочерью, тогда как родителям было на меня плевать. Слова, которые я собиралась ей сказать, породила боль; я не желала видеть распад еще одной семьи.

– Марго, вы с Дейлом чудесные люди и хорошие родители, но перестаньте жить прошлым. Я больше не стану приезжать, пока вы не научитесь принимать и любить Рула таким, какой он есть. Я скучаю по Реми, это страшная трагедия, но вы никогда не превратите Рула в Реми, а я не могу стоять и смотреть, как вы пытаетесь пробить стену. Мои родители годами загоняли меня в рамки, которые мне не подходили, и я жалею лишь о том, что не сопротивлялась так, как сопротивляется Рул.

Я встала и подавила рыдания. На лице Марго отразились испуг и недоумение.

– Будь Реми жив, ничего этого не случилось бы. Вы с ним были бы счастливы вместе, Рул не испортился бы вконец, а Ром не уехал бы.

Она говорила такие ужасные вещи, что я едва удержалась на ногах.

– Марго, Рул всегда доставлял вам заботы, он никогда не подчинялся вашим требованиям. А Ром пошел в армию задолго до аварии. И я миллион раз говорила, что Реми был моим лучшим другом, мы не питали друг к другу никаких романтических чувств. Пожалуйста, сходите к врачу. Вы перекраиваете прошлое и поэтому теряете прекрасного сына.

– Ты что, не веришь? Рул и с тобой ведет себя так же ужасно, как со мной и с отцом.

Я прикусила губу и сильнее потерла виски.

– Он не ужасный, просто его трудней любить. С Реми было легко, а Рул никогда не старался упростить окружающим жизнь, но он заслуживает любви. И, пока вы этого не поймете, я предпочту проводить выходные как-нибудь иначе. Если мне захочется ссор и попреков, лучше поеду домой. Я люблю вас с Дейлом, но больше не хочу участвовать в том, что вы делаете с Рулом. Ром прав, научитесь ценить оставшихся детей и не тратьте время, сравнивая их с сыном, которого вы потеряли. Ваша жизнь вращалась вокруг Реми, Марго, но его нет, а Рул здесь.

Она скрестила руки на груди и опустила голову. Я знала, что достучаться до нее невозможно, а потому зашагала к двери. И не удивилась, когда увидела Дейла, который стоял, прислонившись к столу, и серьезно смотрел на меня.

– Она просто сломается, если ты перестанешь приезжать. Ты – часть нашей семьи.

Я заправила за ухо несколько выбившихся прядей и грустно улыбнулась.

– Как и ваш сын.

– Марго – не единственная, кто нуждается в напоминании. И признай, прическа у Рула и правда дурацкая.

На сей раз я рассмеялась искренне, подошла и обняла Дейла.

– Жене нужна ваша помощь, Дейл. Реми нет, и Марго больше всего хочется, чтобы Рул занял место брата. Но мы все знаем, что этого не будет.

Он поцеловал меня в макушку и слегка отодвинул.

– Не знаю, почему ты его вечно защищаешь. У Рула скверный характер и никаких тормозов. А ты умная красивая девушка. Сама понимаешь, чем обычно заканчивают такие, как Рул.

– Не стоит загадывать, Дейл. Предпочитаю читать книжку по порядку. Пусть Марго позвонит, когда успокоится. Но насчет воскресений я совершенно серьезно. Пока эти встречи не станут по-настоящему теплыми, пока вы не перестанете упрекать Рула за то, что он не такой, как вам хочется, я не буду приезжать. Это слишком больно.

– Понимаю, девочка. Но если что-нибудь понадобится, просто позвони.

– Конечно.

– Рул все равно не оценит, что ты его защищаешь.

– Может быть, Дейл, но я решила сама, и он того стоит, даже если никто, включая самого Рула, этого не понимает. Думаю, так считал и Реми. Вспомните мои слова, пожалуйста, если в следующий раз Рул покрасит волосы в розовый.

Я зашагала к подъездной дорожке и остановилась, когда увидела, что братья стоят, почти соприкасаясь головами. Рул явно злился, а Ром был печальным. Зрелище впечатляющее и душераздирающее одновременно. Рул первым меня увидел и отстранился. Они что-то сказали друг другу вполголоса, потом Ром одной рукой обнял брата и подвел ко мне. Он обнял и меня и вдобавок чмокнул в щеку.

– Я постараюсь разобраться с делами по максимуму на следующей неделе, а потом приеду в город. Свяжусь с тобой, как только смогу.

– Пожалуйста, Ром, постарайся убедить свою маму, что ей нужна помощь.

– Я тебя обожаю, сестренка. А ты постарайся ради меня удержать этого придурка от неприятностей.

Я в ответ коснулась губами его щеки.

– Конечно. Как всегда.

– Я не знал, что все так запущено, Шоу. Я страшно скучал по вам…

– Семья, как и остальное в жизни, требует усилий, внимания и того, чтобы люди сами хотели решения проблем. Я очень рада, что ты приехал, Ром.

После очередных объятий я отстранилась и бросила ключи Рулу.

– У меня голова болит. Сядешь за руль?

Обычно я не подпускала его к своей машине: Рул водил на предельной скорости и совершенно не уважал других водителей. Но сейчас я знала, что сама не доеду. Головная боль превратилась в классическую мигрень, и больше всего мне хотелось закрыть глаза, забраться в мягкую постель и спрятаться под одеялом. Я легла на пассажирское сиденье и свернулась клубочком.

Рул, не говоря ни слова, завел мотор и покатил домой. Он не стал включать радио и не утруждал себя натянутыми любезностями. Я знала, что за устроенную сцену он извиняться не будет – он никогда не извинялся, поэтому я даже не стала об этом заговаривать. Я то задремывала, то просыпалась, и тут в кармане у меня зазвонил мобильник. Гейб. Я выругалась с досады и выключила дурацкий телефон. В животе стянулся узел, перед глазами плясали черные точки.

– Он теперь звонит тебе чаще, чем раньше, когда вы встречались, – негромко заметил Рул, и я задумалась, догадался ли он, как у меня болит голова.

– Он достал уже. Гейб как будто не понял.

– Это проблема?

Я приоткрыла один глаз, потому что Рул очень, очень редко выказывал какую-либо заботу обо мне.

– Нет. Но прошло всего две недели… наверное, ему не хватает не столько меня, сколько девушки вообще. Наверное, однажды Гейбу надоест, или он встретит другую и успокоится.

– Обязательно скажи кому-нибудь, если он будет надоедать. Не стоит самой разбираться с такими вещами.

– Ладно.

Мы снова замолчали, и тут Рул кашлянул. Я достаточно давно его знала, чтобы догадаться, что он о чем-то думает, и нужно просто подождать.

– Слушай, извини за утро. Мне почти за каждое воскресенье стыдно. Ты не обязана любоваться мной в таком состоянии. Пасти меня – вообще не твоя забота. Может, хватит уже натянутого веселья в семейном кругу. Толку никакого, только становится больнее, и я теперь сам это понимаю. Проблемы копились годами, и как-то несправедливо, что ты оказалась в самом центре, без Реми, без защиты. Он обожал тебя, а у меня совершенно не получается чтить его память в этом смысле…

Мне было слишком больно заново объяснять Рулу суть наших отношений с Реми. Никто в семействе Арчеров, казалось, не верил в то, что мы дружили, близко дружили, не более. Легенда о нашей любви превратилась в монстра, с которым я не могла справиться, особенно теперь, когда пища, съеденная за ланчем, подступила комом к горлу. Я резко наклонилась и схватила Рула за руку, наверное поступив не самым разумным образом, поскольку мы летели по шоссе со скоростью девяносто пять миль в час. Но я побоялась заблевать печеньками машину, которая стоила больше, чем некоторые зарабатывали за год.

– Притормози!

Рул затейливо выругался, поспешно обогнул минивэн и прижался к обочине. Оставив дверь открытой, я рухнула на колени и разом извергла содержимое желудка на асфальт. Теплые руки отвели волосы с моего лица и протянули потрепанную бандану. Когда я наконец смогла вздохнуть, то взяла бутылку воды, которую достал из машины Рул, и села на пятки. Мир вращался во все стороны сразу.

– Что с тобой?

Я пополоскала рот и выплюнула воду наземь, стараясь не забрызгать ему ботинки.

– Мигрень.

– С каких пор?

– Всю жизнь. Мне нужно лечь…

Рул поднял меня на ноги, подхватив под мышки, и я вдруг сообразила, что впервые за много лет он сознательно ко мне прикоснулся. Мы никогда не обнимались, не здоровались за руку, не «давали пять». Мы совершенно не притрагивались друг к другу, поэтому инстинктивно я чуть не отпрянула прочь – и застонала, когда Рул буквально запихнул меня на заднее сиденье. Я невысокая, так что вытянуться в длину было несложно. Рул вернулся на место водителя и кинул взгляд через плечо.

– Выдержишь?

Я накрыла одной рукой глаза, а другую положила на бурчащий живот.

– А варианты? Просто притормози, если я крикну.

Он выехал на шоссе и пару минут молчал, прежде чем спросить:

– Кто-нибудь знает, что у тебя так болит голова?

– Нет. Приступы бывают нечасто. Если я разволнуюсь или не высплюсь.

– А Реми знал?

Я подавила вздох и просто ответила:

– Да.

Рул что-то буркнул сквозь зубы, и я скорее почувствовала, чем увидела, как он смотрит на меня.

– А он никогда не говорил. Реми все мне рассказывал, даже чушь, которую я совсем не хотел слушать… про тебя, например, он говорил не затыкаясь.

Рул очень, очень ошибался, но это был чужой секрет, и, пусть даже Реми не стало, я намеревалась унести его тайну в могилу. Рул и Ром многого не знали о брате. Кое-чем он боялся делиться и сражался со своими страхами каждый день. Мои мигрени и безнадежная влюбленность в Рула были сущими пустяками на их фоне.

– Ну, я же сказала, мигрень у меня бывает нечасто. Когда вы, парни, переехали в Денвер, а я осталась заканчивать школу, Реми, наверное, просто забыл про нее, ведь мы встречались реже, чем раньше. Но в последнее время приступы стали сильнее…

Я не стала объяснять, что это из-за смерти Реми, ведь теперь все волнения, от которых он раньше меня оберегал, посыпались на мою голову.

– Ничего себе мелочь.

– Что бы вы, Арчеры, ни вбили себе в голову, Реми было о чем подумать помимо нашей дружбы и моего самочувствия.

Рул фыркнул.

– Ну да, конечно. После того как Реми с тобой познакомился, он стал другим. Он всегда был классным парнем, лучшим из нас троих, но, когда ты появилась, он словно обрел цель в жизни. Он нашел человека, о котором мог заботиться, причем без пачки проблем, как у остальных. Ты сделала его лучше.

Мое сердце сжалось, и на мгновение показалось, что сейчас оно выпрыгнет.

– Он мне помог. Мы оба сделали друг друга лучше.

Мы вновь неловко затихли и хранили молчание, пока машина не остановилась возле дома Рула. Он обернулся и посмотрел на меня, а я взглянула на него из-под руки. Синие глаза Рула сделались серебристо-серыми.

– Ты сможешь добраться до Юниверсити-парк или тебя отвезти? Я могу попросить Нэша съездить с нами, он уже наверняка дома.

Предложение было любезное – я даже удивилась, – но подумала, что на сегодня хватит общения с Арчерами. И дорога от Кэпитол-Хилл до Юниверсити-парк вечером в воскресенье не так уж забита.

– Сама доеду. Это недалеко.

Я выбралась с заднего сиденья и прислонилась к дверце, ожидая, пока Рул вылезет из машины. Мы стояли так близко, что я видела, как бьется жилка у него на шее, под татуировкой с изображением колибри.

– Спасибо.

Он выдохнул и резко провел руками по лицу, а потом отступил на шаг и посмотрел мне прямо в глаза.

– Насчет воскресенья я серьезно. Не приезжай на следующей неделе. И не надейся, что я буду любезничать с предками. Хватит.

Я отсалютовала, поднеся два пальца ко лбу, и рухнула на водительское место, которое он освободил.

– Ясно. Моя служба в качестве шофера и подушки безопасности больше не требуется, а потому, скорее всего, больше мы не увидимся. Позаботься о себе, Рул. Я тоже говорю серьезно.

Я захлопнула дверь, прежде чем он ответил, и даже не стала дожидаться, когда он отойдет от машины. Выехав задним ходом, покатила прочь. Дорога до квартиры, которую я снимала пополам с лучшей подругой Эйден, заняла немного времени.

Мы познакомились с Эйден на первом курсе, когда вместе жили в университетском общежитии. Она изучала химию, подрабатывала в том же спортивном баре, что и я, и ей хватало терпения возиться с моими бесконечными нервными срывами. У Эйден тоже семья была не фонтан, и я знала, что всегда могу на нее положиться. Еще она отличалась сообразительностью и буквально за долю секунды догадалась, отчего мне безразличны тусовки и почему я не сумела привязаться ни к одному из тех парней, с которыми встречалась. Потому

что любила Рула Арчера. Поэтому, когда я ввалилась в квартиру со слезами на глазах, Эйден без всяких вопросов уложила меня в постель, задернула шторы, принесла таблетки и стакан воды.

Затем она устроилась на кровати рядом со мной, а я сбросила туфли и вытащила брючный ремень.

– Плохо было сегодня?

Эйден приехала из Кентукки, и ее певучий южный акцент был сродни успокаивающему бальзаму.

– Я снова застала Рула с какой-то шалавой, у него на шее остался засос размером с крышку люка, мой смертельный враг времен старшей школы строил ему глазки в закусочной, а Марго с Дейлом буквально через минуту начали ворчать и напоминать Рулу, что он никогда не будет таким, как покойный Реми. К счастью, на сей раз они не успели завести разговор про работу в тату-салоне и недостаток хороших манер. Но в любом случае он взбесился и удрал из дома. Все решили, что нам не стоит больше приезжать по воскресеньям. Иными словами, моя вторая семья тоже не может понять, что к чему, и просто любить и ценить друг друга. В довершение проблем с утра названивал Гейб, а мне совершенно не хочется с ним говорить. Так что – да, сегодня был отвратительный день.

Эйден погладила меня по голове и негромко рассмеялась.

– Да, подружка, ну и ситуация.

– И не говори.

– Ты отдала Рулу ключ от квартиры?

Я застонала и зарылась в подушку.

– Нет. Потому что совсем обалдела. Но я совершенно не рвусь снова вваливаться к нему и его девицам. Честно, буду просто счастлива, если больше не увижу эту рожу.

Эйден хихикнула, перекатилась на спину и уставилась в потолок. Она носила шаловливую короткую стрижку, у нее были большие глаза цвета виски и угольно-черные волосы, а главное – золотое сердце. Не считая Реми, я никому еще так не доверяла. Я любила Эйден за то, что ей не приходилось все разжевывать и ждать, пока до нее дойдет, – подруга понимала все и сразу. Кроме одной вещи, быть может: отчего я тратила время, проклиная и обожая человека, который считал меня исключительно помехой в жизни. Но Эйден меня не критиковала.

– Ну и фрукт…

– Не знаю – наверное, мне и правда лучше отойти в сторонку. Может, если я перестану общаться со всеми Арчерами разом, то наконец найду время, чтобы заглушить в себе чувства к Рулу. Нельзя же до конца жизни бегать от других мужчин только потому, что они – не Рул.

– Ну, не скажу, что мне жаль Гейба, но ты действительно заслуживаешь парня, который бы хорошо с тобой обращался и любил, как полагается. Потому что я еще в жизни не встречала человека, который любил бы так бескорыстно и отдавал так много, как ты. Это просто чудо. Тем более что твои родители как будто сделаны изо льда. Ты классная, Шоу, и как минимум заслуживаешь приличного парня.

Я сложила руки на подушке и улеглась на них щекой. Боль потихоньку отпускала, и больше всего мне хотелось вздремнуть и, возможно, обдумать то, что произошло сегодня.

Эйден была права, я действительно заслуживала хорошего парня. Я знала, как они выглядят, как ведут себя – более того, я дружила с таким парнем. Реми воплощал буквально все, о чем разумная девушка могла мечтать, но, тем не менее, я никогда не испытывала к нему никаких романтических чувств. Я прекрасно помнила тот день, когда он впервые пригласил меня домой. Мне было четырнадцать, и я тщетно пыталась вписаться в компанию богатеньких ребят, с которыми оказалась в старшей школе. Теперь-то я знаю, как важен внешний вид, но тогда я охотнее носила джинсы и собирала волосы в хвост. Реми исполнилось шестнадцать, он был капитаном футбольной команды. Однажды он увидел, как я плачу под дверью женской раздевалки после особенно жестокой словесной экзекуции, которую мне устроили Эми и ее подружки. Реми не стал смеяться надо мной, или задавать вопросы, или дурачиться, хотя я только что

перешла в старшую школу, а он учился в выпускном классе. Он просто взял и отвез меня к себе домой, потому что я страдала от одиночества, а Реми не хотел, чтобы я грустила. Он сказал: по моим глазам видно, что я очень добрая, и кто-то должен обо мне позаботиться. С той минуты он решил делать это сам. Я помню теплый прилив радости, которую ощутила, помню благодарность и всеобъемлющий восторг, охвативший меня при мысли о том, что нашелся человек, способный понять, что я достойна любви. Но, главное, отлично помню, как сжалось все внутри, когда на кухню зашел Рул, склонил голову набок и спросил: «А это что за цыпочка?»

Мое сердце перестало биться, в легких не хватало воздуха, кожа вдруг словно натянулась, как на барабане, и я не смогла выдавить в ответ ни слова. Потом я списала это на глупую подростковую влюбленность; братья Арчеры были на редкость красивы и обладали качествами, которые делали их особенно притягательными. Каждая девушка, которую я знала, непременно, хоть раз в жизни, влюблялась в плохого парня. Разумеется, они перерастали свои увлечения, когда понимали, что заслуживают лучшего обращения, а эти плохие парни просто придурки. Но время шло, жизнь менялась, а мои чувства оставались прежними, хоть и было ясно, что они не взаимны. Рул считал меня всего лишь довеском к Реми, избалованной маленькой богатой девочкой, а когда мы стали постарше – подружкой брата. Я расстраивалась, потому что никогда не была ни избалованной девочкой, ни подружкой Реми, и отказывала одному парню за другим просто потому, что знать не желала никаких хороших мальчиков. Я мечтала о том, кто совершенно не понимал моих чувств.

Я ведь и правда была хорошей девочкой. Верной, честной, усердной. Я тратила много времени и сил, чтобы обеспечить себе достойное будущее. Я не лезла в неприятности и очень старалась быть, с одной стороны, утонченной и вежливой, о чем мечтали мои родители, а с другой, успешной и энергичной. Этому я научилась, глядя на Арчеров. К сожалению, я никогда даже не старалась стать такой, какой себя чувствовала в глубине души. Настоящая Шоу пряталась где-то внутри, задавленная, но все еще питавшая надежду, что Рул однажды обратит на нее внимание. Я страшно устала и в минуты беспощадного откровения признавала, что сама не знаю, сколько еще выдержу.

Глава 3

В салоне выдалась сумасшедшая неделя. Наверное, в основном потому что пошел массовый возврат налогов, и у людей появились лишние деньги. Всю субботу клиент шел косяком, мне даже в выходной пришлось доделывать одну татуировку, которую я начал пару месяцев назад. Нэш был занят не меньше. К вечеру субботы мы оба мечтали расслабиться и напиться. Утро воскресенья прошло точно так же, как и на прошлой неделе, только на сей раз, провожая девушку к машине, не нужно было беспокоиться о том, что Шоу станет свидетельницей сцены, которую я не желал ей демонстрировать. Я позвонил Рому, чтобы узнать, когда тот собирается в город, но, видимо, за неделю атмосфера дома не улучшилась – он сказал, что пока не готов оставить маму. Я вообще-то хотел проявить сочувствие, пожалеть ее, но как-то не получилось.

Я уже собирался открыть пиво, устроиться перед теликом и посмотреть матч, когда из комнаты появился Нэш, натягивая полурасстегнутую куртку через голову. Он на пару дюймов ниже меня, коренастее и притом гораздо красивее. Черные волосы он стриг совсем коротко, потому что голову с обеих сторон украшали парные татуировки. Яркие глаза на фоне смуглой кожи казались, скорее, фиолетовыми, чем синими. Пирсинга у Нэша было меньше, только кольцо в носу и обсидиановые плаги в ушах. Он почему-то не делал татуировок на руках и на шее, и меня это всегда смешило – он ведь разукрасил себе голову. Мы стоили друг друга, а потому, когда ходили вместе развлекаться, обычно не приходилось возвращаться домой в одиночестве. Нэш вообще был приятнее, чем я, просто выглядел законченным отморозком.

– Джет и Роуди сейчас в «Линии ворот», смотрят матч. Если ты на мели, так они выручат.

Роуди работал с нами в салоне, а Джет пел в местной рок-группе, которая нам обоим нравилась. Таким составом мы обычно тусили в городе. Я подумал, что смотреть матч в баре приятнее, чем в одиночестве грустить на кушетке, а потому поставил пиво обратно в холодильник и сунул ноги в ботинки.

Нэш сел за руль своего реконструированного «Доджа» семьдесят третьего года. Это был настоящий монстр – черный металл, хром, мотор. Наверняка весь квартал слышал, когда мы уезжали и приезжали, потому что мотор ревел как бешеный. Я знал, что машина много значила для Нэша, потому что он восстанавливал ее, по большей части, сам. Биографию Нэша я знал пунктиром, но поскольку и мое прошлое вряд ли кто назвал бы звездным, я никогда не лез с расспросами. Я знал, что его отец умер уже давно, а мать вышла замуж за

какого-то богатого придурка, с которым Нэш по сей день отказывался иметь дело. Фил, тот самый Фил, который взял нас к себе в салон, послужил главной причиной того, что Нэш дожил до взрослых лет без тюремной отсидки и кучи незаконных детей.

Бар находился в центре, в Лодо, как называли этот район большинство коренных денверцев. Он пользовался у местных популярностью, а поскольку я уже сто лет никуда не выбирался по воскресеньям, я уже забыл, как людно там бывает, когда играют «Бронкос». Парни заняли столик прямо под огромным экраном и уже запаслись пивом. Мы обменялись приветственными кивками, и переполненный бар взревел, когда «Бронкос» заработали очко.

– Как дела, парни?

Нэш налил пива. Роуди поиграл бровями и ткнул пальцем через плечо, в сторону бара.

– Ну, разве тут хуже, чем дома? Твоя мамочка так точно не одевается.

Девушки, работавшие в баре, сплошь носили сексуальную «спортивную» форму – некоторые изображали участниц группы поддержки, другие были в крошечных свитерках и шнурованных брючках. Лично мне больше всего нравился судейский костюм, который едва прикрывал зад.

– Да уж…

Приятно было просто расслабиться с друзьями, ведь обычно воскресенья доставляли мало удовольствия. И я уж точно предпочитал сидеть в баре, чем терпеть от предков критику за каждый вздох. От такого эгоизма мне самому стало капельку совестно, но я прекрасно знал, что пиво все излечит.

Джет оторвался от тарелки с начос, которые безостановочно пожирал, и ткнул пальцем в сторону бара.

– Подожди, пока не увидишь девочку, которая нас обслуживает. Супер, просто супер, по-другому не скажешь.

Группа Джета, «Ненависть», пользовалась популярностью в городе, и я прекрасно знал, что у него полно поклонниц. Если Джету понравилась какая-то девочка, значит, она наверняка тянула на десять баллов, и мне не терпелось на нее посмотреть. Мы болтали и потягивали пиво примерно полчаса, вокруг становилось все шумней, но я развлекался от души. Вскоре пиво закончилось, но неуловимая Суперофициантка к нам не спешила. И тут у меня волосы дыбом встали. Я заметил блондинку, пробиравшуюся к столику. Волосы у девушки были не просто светлые, а почти белые, собранные в два одинаковых хвостика, ярко-зеленые глаза смотрели из-под безупречно прямой челки, рот напоминал алую рану на фоне бледного – и хорошо знакомого мне – лица. Как положено, она щеголяла в костюме судьи, с черными пышными шортиками и чулками в сеточку, и в черных сапогах, совсем как у меня, но изящных, которые охватывали божественные ножки почти до самых колен. Пока я мучительно боролся с собой, а мои идиоты-дружки пялились на нее, Нэш поднялся на ноги и заключил Шоу в мощные объятия.

– Привет, подружка, что ты здесь делаешь?

Шоу слегка поморщилась, отвечая ему дружеским пожатием. Она не сводила глаз с меня.

– Э… я здесь работаю. И уже довольно давно. Обычно в воскресенье не моя смена, но раз у меня освободился день, а здесь нужны руки, я согласилась. А вы, ребята, что тут делаете?

Я знал, что вопрос адресован мне, но по-прежнему не мог оправиться от шока. Слишком уж непривычно она выглядела. Нэш, не снимая руки с плеча Шоу, кивком указал на нас.

– Вон тот парень с большим ртом – Роуди, он работает в салоне со мной и Рулом. Тот, что заглатывает начос, – это Джет, он поет в группе «Ненависть», мы дружим с детства. Парни, познакомьтесь. Шоу сто лет знает Рула и его братьев.

Я с ужасом и благоговением наблюдал, как мои друзья просто лезли друг другу на головы, чтобы пожать протянутую руку Шоу. Я по-прежнему молчал, и положение становилось неловким, но Шоу просто улыбнулась, забрала пустой кувшин из-под пива и сказала, что сейчас принесет новый. Четыре пары глаз уставились ей вслед – на подпрыгивавшие рюшечки на заднице. А мне хотелось

всем, включая себя, надавать по морде. Как только Шоу вышла за пределы слышимости, Роуди повернулся, протянул руку через стол и хлопнул меня по макушке. Я выругался и яростно уставился на него, но мстить не стал.

– Ты, блин, чего?

Он покачал головой.

– И с нею ты отказывался ездить домой по выходным? Это та девочка, на которую ты без конца жаловался, что она, типа, к тебе врывается, когда ты занимаешься хрен знает чем? Ты сбрасываешь ее звонки и вообще бегаешь от Шоу как от чумы? Блин, Рул, я и не знал, что ты гей.

Нэш хрюкнул, а Джет разразился хохотом. Я показал Роуди средний палец.

– Заткнись и не гони.

– Да? Я не слепой, девочка просто блеск, а значит, ты ослеп или двинулся. Если бы мне пришлось каждую неделю просиживать по два часа с ней в машине, я бы не ныл, а говорил: «Слава тебе, Господи».

Нэш покачал головой.

– Ни фига себе, ты даже не знал, что она здесь работает. Ты в принципе не слушал, что Шоу тебе говорила?

Я взглянул на него.

– Ты тоже не знал, хоть и общался с ней каждое воскресенье.

– Я спрашивал, хочет ли она кофе, а не где работает. Мужик, ну признай, ты лоханулся.

Я хотел заспорить, но Нэш продолжал:

– И она правда супер. Шоу всегда была классная. Просто она тебе не нравится, вот ты и не замечаешь. Она клево смотрится даже в тех шмотках, которые обычно носит, но, блин, в этих шортиках…

– Да нормально я к ней отношусь…

Комментировать то, как она смотрится, я не стал, это было как-то странно. Разумеется, я не ослеп – умом я понимал, что Шоу красива, но она всегда казалась такой холодной и недосягаемой, что я никогда и не рассматривал ее как объект флирта. Скорее, как изысканное произведение искусства, которым нужно любоваться в музее.

– Не ври, вы терпеть друг друга не можете.

Я пожал плечами.

– Она как член семьи. Сам знаешь, какие у меня чувства к семье.

Джет изогнул бровь.

– Я бы не отказался от такой родственницы.

Я закатил глаза.

– Заткнись и не лезь.

Шоу вернулась – не с одним кувшином, а с двумя и с полным блюдом крылышек. Она улыбнулась Нэшу и остальным, но, когда ее ясный взгляд остановился на мне, словно захлопнулись ставни.

– Крылышки за мой счет. Я по привычке хочу убедиться, что в воскресенье ты не забудешь поесть.

Она взметнула светлыми хвостиками и зашагала к столику, за которым сидели какие-то пожилые мужики в обвислых свитерах. Я прищурился, когда один из них хлопнул Шоу по украшенному рюшечками заду. Но она, явно привыкшая отшивать нахалов, сверкнула убийственной улыбкой и увернулась. Это было

такое необычное зрелище, что в следующий раз, когда она прошла мимо нашего столика, подчеркнуто игнорируя меня, я потянулся и схватил ее за руку.

Глаза Шоу блеснули изумрудами, когда она взглянула на покрытые татуировками пальцы, сомкнувшиеся у нее на запястье. Мою руку до плеча словно пронизало электричество.

Я ехидно улыбнулся.

– А предкам ты сказала, что работаешь здесь? А Марго? Сомневаюсь, что старики, которых ты так стараешься впечатлить, знают, что ты скачешь тут полуголая.

Она нахмурилась и отбросила мою руку.

– Мои родители не в курсе, да они и не спрашивали, а Марго я сказала, что работаю в спортбаре. Она не знает, как выглядит наша форма, и, кстати, я не полуголая. Отвяжись, Рул. Здесь работает моя подруга – и, похоже, она вот-вот вызовет охрану. Если не хочешь, чтобы тебя выкинули отсюда трое вышибал, не распускай руки и прикуси язык. Нэш хороший парень, он всегда был со мной любезен, но я откажусь вас обслуживать, если ты будешь меня доставать.

Мы гневно смотрели друг на друга, пока Шоу не позвали из-за другого столика.

– Всего лишь один выходной… – проговорила Шоу негромко, так что я едва расслышал.

Я нахмурился.

– Что?

Она так сверкнула глазами, что я растерялся.

– Я мечтала хоть одно воскресенье тебя не видеть!

Шоу зашагала прочь, и впервые с момента нашего знакомства я подумал, что, возможно, наша неприязнь была вполне взаимной. Когда повернулся к друзьям,

они смотрели на меня одновременно с восторгом и жалостью. Я еще больше помрачнел, выпил пиво одним глотком и зло спросил:

– Что?!

– Мужик, что с тобой такое? – поинтересовался Роуди.

Нэш и Джет, судя по всему, хотели сказать то же самое.

– Да вы о чем вообще?!

Нэш поднял стакан, чтобы скрыть улыбку.

– У вас обоих был такой вид, как будто вы хотели то ли надавать друг другу по морде, то ли, наоборот, сорвать одежду и трахнуться прямо посреди бара. В чем дело? Я думал, Шоу тебя бесит.

– Бесит! Она богатая, избалованная, мы ни в чем не можем согласиться, и так было всегда.

Роуди, судя по взгляду, не поверил ни единому слову.

– Я видел то, что видел, и, ей-богу, ты бы не отказался, если б она предложила.

Мне хотелось крикнуть, что он ошибается, сильно ошибается, потому что Шоу представляла квинтэссенцию вещей, которые раздражали меня, а главное, она принадлежала Реми, и ни за какие блага на свете я бы об этом не забыл.

Совладав с гневом, я молча налил еще пива. Никакого влечения к Шоу я не испытывал. Просто увидел ее в новом окружении и в другой одежде, нежели обычные стильные шмотки, которые стоили больше, чем я зарабатывал за месяц.

Мы уже почти допили второй кувшин, и Шоу принесла следующую порцию, когда возле нашего столика вдруг появилась очень симпатичная шатенка с короткой стрижкой и глазами цвета виски, высокая, с губами, за которые Анджелина Джоли отдала бы целое состояние, с телом, способным создать пробку на шоссе. Она была одета так же, как Шоу, только обута не в сапоги, а в туфли на

шпильке, делавшие ее выше Джета и Нэша. И никакого намека на дружелюбие на ее хорошеньком личике я не прочел.

Джет выпрямился на стуле, а Роуди, который из нас четверых напился сильнее всех – минут за двадцать до того он перешел на текилу, – чуть не упал со стула, когда незнакомка возникла рядом с ним. Она уставилась прямо на меня, и мы смотрели друг на друга, пока она наконец не открыла рот. Девица говорила с мягким южным акцентом, и я готов поклясться, что Джет влюбился в ту самую секунду.

– Ты Рул.

Она не спрашивала. Поэтому я просто кивнул.

– Я Эйден Кросс. Соседка Шоу.

Я понятия не имел, зачем мне это знать, а потому молчал, невзирая на сердитые взгляды Нэша. Не стоило, конечно, так по-хамски себя вести, но я был пьян, по-прежнему обижен на Шоу и плевать хотел на приличия.

– Не знаю, что там у вас случилось, но не лезь к ней, слышишь. Хватит уже пудрить Шоу мозги. Просто отвали.

Я моргнул, потому что никак не мог сообразить, о чем речь.

– Я и не лезу к Шоу.

Эйден прищурилась и ткнула в меня пальцем.

– Я прекрасно знаю, что ты делаешь и чего не делаешь, парень. Я очень люблю Шоу. Она добрая и милая, самая лучшая подруга на свете. Поэтому займись своими пакостями где-нибудь в другом месте, не надо ей такого счастья.

Она явно собиралась продолжить нотацию, но вдруг что-то отвлекло ее. Глаза Эйден сверкнули золотым огнем.

– Боже мой, у этого придурка хватило наглости сюда прийти! Пойду позову Луи.

Она развернулась на каблуке и зашагала через толпу. А у меня кружилась голова. Я понятия не имел, что случилось, но, видимо, Эйден что-то встревожило. Я посмотрел ей вслед и почувствовал, как встает дыбом шерсть на загривке.

Шоу стояла возле стойки. Народу там было полно, но ее светлые волосы бросались в глаза. Она явно нервничала, над ней нависал какой-то парень в белой спортивной рубашке. Одну руку он положил Шоу на плечо и что-то говорил, склонившись к самому лицу. В любом случае, она смотрела на него так, словно хотела врезать по морде или наблевать на ботинки. Я никогда раньше не видел на лице Шоу выражения такого ужаса, обычно она оставалась сдержанной и невозмутимой. Вопреки собственной воле я поднялся. Вообще-то я не из тех, кто спешит на помощь девицам в беде, да и конкретная девица, насколько я знал, вполне могла о себе позаботиться. Но Шоу, судя по всему, отчаянно боролась с паникой, и, невзирая на свою антипатию, я решил вмешаться.

– Сейчас вернусь.

Поскольку я высокий и, по большей части, покрыт рисунками, которые гласят: «Отвянь», люди в переполненном баре сами уступали дорогу. Когда я подошел достаточно близко, Шоу мельком взглянула на меня, и я готов был поклясться, что увидел в искристых глубинах ее глаз облегчение. Парень в белой рубашке придвинулся еще ближе и заговорил, как «все это будет выглядеть», если он на зимние каникулы приедет домой один. Шоу напряглась и попыталась отодвинуться, но Белая Рубашка подступил вплотную, прижимая девушку к стойке.

– Меня не интересует, что тебе сказала моя мать, Гейб. Между нами все кончено. Я не собираюсь ехать в Аспен с тобой и твоей семьей. Перестань звонить и не ходи сюда.

– Детка, мы же предназначены друг для друга. Как только ты перестанешь упрямиться, то сразу поймешь, что мы – идеальная пара…

Я всегда думал, что, если парень говорит девушке «детка», он не помнит, как ее зовут, или слишком ленив, чтобы придумать ласковое прозвище.

Шоу снова попыталась вывернуться, и я заметил, какими глазами он смотрел ей в декольте.

– Отпусти, Гейб. Я не хотела ничего такого, когда мы с тобой встречались, и, блин, совершенно точно не хочу теперь. Отвяжись.

Белая Рубашка побагровел, услышав прямой отказ. Он попытался придвинуться еще ближе и обнять Шоу другой рукой, но тут я схватил девушку за запястье и притянул к себе. Белая Рубашка был на добрых четыре дюйма ниже, поэтому я, прижимая к боку миниатюрное тельце Шоу, яростно взглянул на него поверх ее макушки.

– Прости, что задержался, Каспер.

Не моргнув глазом, она обвила рукой мою талию и буквально повисла на мне. Некогда я прозвал Шоу Каспером за снежно-белые волосы, и она из-за этого страшно злилась. Но теперь дурацкое прозвище прозвучало нежно и интимно, словно нас объединял секрет, неведомый парню в белой рубашке.

– Ничего страшного, я заканчиваю через час. Может, подождешь?

Взглядом Шоу умоляла меня подыграть, но я был слишком занят тем, что гадал, отчего мой бок в том месте, где наши тела соприкасались, словно горит огнем.

– Не вопрос. А это что за тип?

Белая Рубашка таращил глаза и грозно краснел. Он даже не дал Шоу возможности ответить.

– Я ее парень. Гейб Дейвенпорт. А ты кто такой?

Шоу застыла, и я почувствовал, с какой силой она вцепилась в ткань моей футболки.

– Гейб, это Рул Арчер. Рул, это Гейб, мой бывший парень, о чем он все время забывает.

– Шоу, ну хватит ломать комедию. О чем ты вообще думаешь? Ты правда надеешься, что я поверю, будто ты променяла меня… вот на это? Ты только посмотри, на кого он похож.

Я обычно и ухом не вел на фразочки вроде «на кого он похож», потому что слышал их слишком часто, но Шоу, видимо, смутилась. Она взъерошилась, как мокрая кошка, и шагнула вперед с таким видом, словно собиралась стукнуть Гейба в грудь. Я посильнее прижал ее к себе и незаметно попытался успокоить, гладя ладонью обнаженное плечо.

– Я знаю Рула почти всю жизнь, Гейб, и мне плевать, как он выглядит, потому что он не марионетка, в отличие от тебя. Даже не думай, что ты вправе судить его или меня – особенно после того как ты начал следить за мной, угрожать и манипулировать моими родителями, потому что они такие же, как и ты. Здесь Эйден, и вот тебе честное слово, она сейчас позовет Луи. Луи не нравится, когда кто-нибудь пристает к официанткам, поэтому, если ты не хочешь скандала, о котором не получится забыть, лучше ступай отсюда и не возвращайся. Можешь позвонить моей маме или пожаловаться отцу, если угодно, но я не желаю быть с тобой и ни за что не передумаю.

Гейб, видимо, собирался с духом, чтобы продолжать спор, но тут к стойке хлынула толпа, притиснув Шоу ко мне еще плотнее, и я воспользовался ситуацией, чтобы от души прижать к себе ее маленькое тело. Формы у Шоу были что надо, и я задумался, что такое со мной, если я до сих пор этого не замечал.

– Что, какие-то проблемы, мужик? – спросил я у Гейба.

Шоу легонько отстранилась и положила ладонь мне на грудь, чтобы держать дистанцию.

– Да, мужик, проблемы, – ответил Гейб. – Но сейчас не время и не место возиться с такой швалью, как ты. Увидимся, Шоу. Мы еще не закончили.

Он двинул меня плечом и окинул гневным взглядом, протискиваясь мимо. Я слегка сжал Шоу в объятиях и позволил ей отступить на шаг, хоть и продолжал держать за талию. Я смотрел вслед Белой Рубашке и одновременно пытался перехватить взгляд Нэша поверх головы Шоу. Та выдохнула – ее дыхание защекотало мне шею, и кожа покрылась мурашками.

– Спасибо.

– Не стоит. Надо было дать ему понять.

Нэш наконец поймал мой взгляд, и я кивком указал в сторону двери, за которой скрылся Гейб. Нэш чуть заметно кивнул, встал и что-то сказал Роуди и Джету. Те тоже поднялись. Я увидел темноволосую подружку Шоу, которая стояла у дверей вместе с каким-то шкафообразным дядей. Она странно посмотрела на моих приятелей, когда те вышли, но ничего не сказала. Я вытащил из кармана кредитку и сунул Шоу. Она с любопытством посмотрела на меня лучистыми глазами.

– Рассчитай нас, ага? Я сейчас вернусь.

Она взяла карточку и отодвинулась на шаг. Я постарался не обращать внимания, как колыхнулся ее бюст, когда она скрестила руки на груди.

– Куда ты собрался?

– Есть одно дело.

– Оставь Гейба в покое, Рул. Он не такой, как вы с Ромом. Прирожденный политик – угрозы на него не действуют. Просто забудь. Пусть думает, что я предпочла ему парня с татуировками и фиолетовыми волосами – для Гейба это будет достаточный удар по самолюбию, чтобы оставить меня в покое, поверь. И потом, я скажу пару слов Луи. Если я пожалуюсь, что Гейб пристает, его вообще перестанут сюда пускать.

– Слушай, Ром меня прибьет, если узнает, что какой-то придурок к тебе приставал, а я ничего не сделал. Ну и потом, я очень не люблю парней, которые считают, что им все можно с девушкой только потому, что они нашли общий язык с ее предками. Вернусь через минутку, а ты пока рассчитай нас и оставь кредитку у себя – вдруг придется платить залог.

Я думал, что классно пошутил, но Шоу не улыбнулась. Она по-прежнему смотрела на меня так, словно я отрастил вторую голову.

Нужно было спешить, пока тот придурок не свалил.

– Все будет нормально, Шоу. Честно.

Я отстранил ее и направился к дверям, чтобы догнать друзей. Красотка Эйден перехватила мой взгляд и приподняла бровь.

– Не исключаю, Арчер, что у тебя и правда есть кое-какие достоинства.

Я показал ей средний палец. А потом выбежал на улицу, туда, где Нэш и остальные стояли, облокотившись на белый «Лексус». Гейб, очень взволнованный, расхаживал перед ними туда-сюда и грозил вызвать копов, размахивая айфоном и вопрошая, известно ли нам, кто его отец. Я сунул руки в карманы и склонил голову набок. Понятно было, отчего родителям Шоу нравился этот парень. Выглядел он как положено, если брать за образец манекен модного магазина. Гейб в чем-то даже походил на меня – такие же темные волосы и светло-синие глаза, минус татуировки. Но он буквально источал уверенность и тщеславие – так, как свойственно только богачам. В перспективе – муж, у которого на стороне несколько баб, в то время как хорошенькая жена улыбается в камеру во время предвыборной кампании. Хотя мои отношения с Шоу, в лучшем случае, можно было назвать немирными, в глубине души я знал: она заслуживает лучшего, нежели этот скользкий тип.

– Эй, мужик, притормози на минутку, хочу тебе кое-что сказать.

Гейб как раз объяснял Нэшу, что подаст на него в суд за то, другое и третье и что папочка-судья непременно влепит ему срок. И тут он наконец заметил, что к компании присоединился я. Тогда Гейб перестал махать руками и уставился на меня.

– Я знаю, кто ты такой. Шоу думает, что она самая умная, но в комнате на столике у нее стоит фотография тебя и твоих братьев. Ее родители сто раз предупреждали, что она прямо-таки неестественно привязана к твоей семье. Мистер Лэндон даже грозил, что перестанет платить за учебу, если она будет и дальше общаться с такими, как ты. Полагаю, наш сегодняшний разговор расставит все точки…

Нужно было отдать этой мрази должное – я и сам по себе выгляжу довольно грозно, но Гейб противостоял целой компании парней, которые не уступали ему ростом и гораздо больше привыкли к физическому насилию. Однако он, поганец такой, не сдавал позиций.

– Не знаю, с какой стати она восхищается всякими ненормальными, но Шоу пора уже повзрослеть. Она должна встречаться с таким, как я, а не с тем, кого в аэропорту не пропустит ни один детектор.

Нэш хихикнул, а Роуди открыто заржал. Я покачал головой и криво улыбнулся.

– По-моему, Шоу должна встречаться с тем, кому интереснее залезть к ней в лифчик, чем в кошелек к ее папочке. Шоу – классная девушка, с разумной головой. Если за полгода она тебе не дала, это о многом говорит, мужик. Кажется, было бы больше проку, если б ты таскал на свидания ее стариков. Шоу и правда мне как родная, а я не люблю, когда моих близких кто-то обижает. Мы с тобой сейчас болтаем по-дружески, потому что мы на улице и я настроен великодушно. Но в следующий раз будем разговаривать не в общественном месте, и у моего великодушия есть пределы. Оставь Шоу в покое, короче говоря.

Гейб, казалось, хотел возразить, но тут из-за угла показался человек, представлявший собой сплошную груду мышц – вышибала из бара. Луи посмотрел на парней, стоявших возле машины, потом на раскрасневшегося Гейба и покачал головой.

– Вы четверо, идите обратно. Эйден объяснила, в чем дело, так что по счету плачу я. А ты… – он уставил толстый палец на Белую Рубашку. – Тебе в «Линию ворот» ходу больше нет. Ты тут персона нон грата. Если Шоу не хочет, чтоб ты сюда ходил, мне плевать, сколько зелени у тебя кошельке и какие связи у твоего папаши. Это мой бар, и тебя здесь не ждут. Если в следующий раз попробуешь пристать к одной из наших девушек или распустить руки, проблемы будут уже от меня. Я уж позабочусь, чтоб полиция даже труп не нашла. Усек?

Я не сомневался, что этот тип говорит серьезно. Белая Рубашка сглотнул и кивнул. Мои друзья отошли от машины, и Нэш как бы случайно толкнул Гейба. Тот выругался и залез в «Лексус». Отъехал, показал нам средний палец и укатил. Вышибала осмотрел меня с головы до ног и перевел взгляд на нашу пеструю компанию.

– Вы друзья Шоу?

Мы, конечно, не были друзьями, но ничего лучшего придумать я не мог, а потому пожал плечами и ответил:

– Ну да.

Он кивнул.

– Я Луи. Присматриваю за официантками. Шоу и Эйден тут самые лучшие. Они славные девушки и не ленятся, сюда пришли не для того, чтобы трясти задом и влезать в неприятности. Я таких уважаю. Никому не разрешаю к ним приставать. Я здорово обижаюсь, если кто-нибудь к ним лезет.

Не знаю, зачем Луи это говорил, но, честно говоря, выглядел он так зловеще, что я помалкивал.

– Шоу добрая девочка, но очень уж старается делать все сама. Если эта дрянь от нее не отвяжется, она будет страдать молча…

Он многозначительно уставился на меня, и я приподнял бровь.

– Дай мне знать, если понадобится его отпугнуть.

– Да мы с Шоу не то чтобы очень близки… она не станет о таком рассказывать. Поговори лучше с ее соседкой.

– Я сейчас с тобой разговариваю, сынок.

Я не знал, что ответить, но, как только решил сказать что-нибудь саркастическое, дверь бара открылась, и компания пожилых мужчин в свитерах разделила нас. Луи напоследок взглянул на меня, видимо давая понять, что настроен серьезно, и вернулся в бар. Я поглядел на приятелей и беспомощно воздел руки.

– Именно этого, по-вашему, мне недоставало по воскресеньям?

Все расхохотались, и Джет решил, что лучше нам перейти в другой бар. Я забежал внутрь, чтобы забрать кредитку у Шоу. Парни скинулись по десять баксов ей на чай, и я пошел к стойке, за которой она болтала с другой официанткой, светловолосой, в костюме группы поддержки. Шоу остановилась на полуслове и искоса взглянула на меня. Я улыбнулся и протянул деньги.

– Луи вызвался заплатить по счету, но ребята тут сложились…

Она вернула мне карточку.

– Что вы сделали с Гейбом?

– Ничего.

Шоу вздохнула, и я даже не стал отводить глаза от ее груди, обтянутой крошечной футболкой.

– Спасибо, что вступился. Я не понимаю, почему до него не доходит.

Вторая официантка буквально раздевала меня глазами, но, хотя в норме я очень даже люблю, когда красивые девочки на меня западают, я не обратил на нее никакого внимания, потому что Шоу наклонилась за бутылкой, и я не мог оторвать взгляд от рюшечек на заднице. Она была маленького роста, и я раньше никогда не думал, что у Шоу такие красивые ноги – загорелые, не слишком худые. Если б я не спешил, то, наверное, успел бы развить тему и вообразить нечто поинтереснее с участием этих ног и сапог.

– Дело в том, что ты красивая, адски богатая, с предками, у которых полно связей, и ты не любишь никому причинять неудобства. Ты не только обломала Гейба в плане интима, но и разрушила его мечты о том, как он играет в гольф с твоим папой в загородном клубе и сидит в республиканском конвенте рядом с твоей мамой. Ты уничтожила все, что он пытался построить.

Шоу тряхнула хвостиками и подняла поднос, уставленный бокалами.

– Извини, мне надо работать. Как по-твоему, у нас хоть раз получится провести воскресенье без сцен и скандалов?

Я провел руками по волосам и горестно покачал головой.

– Воскресенье у меня всегда неудачный день. Потом поболтаем, Шоу.

– Пока, Рул.

Я вышел из бара, размышляя, что, возможно, впервые с нашего знакомства увидел Шоу без прикрас. И я слегка заволновался оттого, что без наигранного высокомерия, служившего ей защитой, она оказалась ранимой, как любой человек. Такой понятной… и доступной.

Глава 4

Я в пятый раз пересчитала деньги, грудой лежавшие передо мной. Сосредоточиться было трудно по нескольким причинам: во-первых, народу в баре набилось под завязку, поэтому я задержалась на два часа после конца смены и уже еле шевелилась, а во-вторых, рядом еще десять официанток подсчитывали выручку, и их болтовня, преимущественно о парнях и сумочках, напоминала гудение пчелиного роя. В-третьих, Эйден не сводила с меня орлиного взора, выискивая бог весть что. И, наконец, Лорен Декер – Эми Роджерс номер два – не затыкаясь говорила про Рула.

Лорен просто живая картинка из глянцевого журнала. Она представляла собой наглядный пример того, что случается, когда популярная девчонка заканчивает школу и вступает в жизнь. Довольно-таки глупая и скучная, она зарабатывала больше половины официанток, вместе взятых, потому что своими главными обязанностями считала флиртовать и спать с кем попало. То и другое смущения у нее не вызывало. Отчего-то Лорен не терпелось узнать про Рула как можно больше. Она выпытывала, как мы познакомились, отчего он не приходил в бар раньше, сколько ему лет, чем занимается, встречаемся ли мы, нет ли у него подружки, как он относится к блондинкам и так далее. Это было бесконечно и утомительно, и я злилась, потому что очередная тупая красотка лезла вон из шкуры ради Рула. Хоть я и знала, что мои чувства к Рулу – бремя, которое придется нести в одиночестве, я не собиралась преподносить ему на блюдечке мою распутную товарку. Поэтому я отделывалась короткими репликами и уклонялась от личных вопросов. К сожалению, Лорен не унималась.

– Обычно я не западаю на парней с татуировками и пирсингом, но, бли-ин, какие глаза! Ты когда-нибудь видела такие глаза? Прямо как мятные леденцы. Просто блеск. А тело… он, наверное, ходит в спортзал. То есть в норме мне нравятся парни, у которых накачанный пресс, но с его внешностью худое тело – это самое оно. Каких девушек он предпочитает? Ты уверена, что у Рула нет подружки? Блин, Шоу, я прямо мечтаю лизнуть сережку, которая у него на губе – ну просто типичный плохой парень! Поверить не могу, что ты дружишь с таким секси и у вас ничего не было. Это прямо против природы!

У меня ничего не было не только с Рулом – впрочем, я не собиралась откровенничать с Лорен. Парни предлагали, и я порой испытывала искушение, но, всякий раз, когда уже подходила близко к черте, в мозгу случалось короткое замыкание и я вспоминала, что мечтаю вовсе не о них. И все на этом кончалось.

Прищурившись, я взглянула на Лорен.

– Лори, я считаю выручку. Можно потом?

– Дай мне его телефон, – потребовала она.

Я уже теряла терпение и была готова сунуть ей в глотку пригоршню долларовых монет. Эйден, видимо, догадалась, что грядет буря: она уселась рядом со мной и устремила на блондинку мрачный взгляд. Что-то в Эйден настоятельно требовало уважения, и я обожала ее за это.

– Лори, отвяжись. Честное слово, они не самые близкие друзья. Если ты хотела пригласить Рула на свидание, почему сама не подошла, пока он был здесь?

Лорен состроила гримасу, которая, наверное, безотказно действовала на парней, но лично меня затошнило.

– Подошла бы, только он был слишком занят, разглядывая твою задницу, Шоу. Вот почему я спросила, встречаетесь вы или нет. Он даже не обнял тебя, когда уходил, но вы так смотрели друг на друга, словно собирались трахнуться прямо в зале.

Я в шоке посмотрела на Эйден. С каких пор Рул, который обычно игнорировал меня или делал вид, что я не существую, начал обращать внимание на какие-либо части моего тела?

Эйден приподняла бровь.

– Если они с Шоу встретятся в обозримом будущем, она, несомненно, скажет, что ты спрашивала его номер, ну или просто передаст ему твой, если он захочет. Шоу, давай лучше поговорим о деле – как ты собираешься отмечать день рождения? Он уже через две недели.

Я застонала и, оставив все попытки подсчитать выручку, просто подвинула деньги к Эйден, а сама принялась раскладывать и скалывать чеки, что не требовало значительных умственных усилий. Я ненавидела свой день рождения. Обычно он ознаменовывался ссорой между родственниками, с которыми я проводила вечер, всегда формальный и натянутый. Если они удосуживались вспомнить о моем дне рождения, разумеется.

В прошлом году я получила открытку от папы, с приложением чека на тысячу долларов, а мама позвонила и пообещала устроить нечто замечательное, как только у нее выдастся свободное время (которого, естественно, так и не нашлось). Эйден в конце концов предложила поесть суши и посмотреть какую-то дурацкую романтическую комедию – так и прошел тот день, тусклый и непримечательный. Даже Арчеры не испытывали особого энтузиазма по поводу моего дня рождения. Наверное, эта дата напоминала им, что минул еще один год без Реми. Впрочем, Ром всегда присылал подарок, в какой бы части света ни находился, и всегда удачно. Наверное, раз уж мне вот-вот стукнет двадцать, нужно отметить этот день как-то особенно, но я ничего не хотела.

– Может, сходим куда-нибудь потанцевать? – предложила Лорен, и я взглянула на нее как на ненормальную.

Я не особенно общалась с девушками с работы, и вовсе не потому, что они мне не нравились. Некоторые были очень приятными, большинство походило на нас с Эйден – бегали с подносами, чтобы платить по счетам, и совмещали работу с учебой. Но все они обожали спиртное, вечеринки, парней, свидания, ну и прочие вещи, которые меня не интересовали. Разумеется, на самом деле я гораздо меньше их нуждалась в заработке, зато не дергалась, когда родители пытались

мной манипулировать, напоминая, что оплачивают мои счета. Я не хотела выставлять свое разбитое сердце напоказ, поэтому попросту избегала светских развлечений.

– Э… я не танцую.

Эйден, нахмурившись, взглянула на Лорен.

– Кстати, тебя и не приглашали.

Блондинка хлопнула глазами и сморщила носик.

– Я подумала – раз у Шоу день рождения, может, придет красавчик с татуировками. Объявляю всем, что у меня любовь четвертой степени, и вылечить ее может только Рул!

Мы с Эйден переглянулись, и я снова принялась раскладывать чеки.

– В моем дне рождения нет ничего особенного. Рул не придет. Я хочу провести этот день спокойно.

– То есть скучно.

Я не дружила с Лорен. На самом деле, я ее недолюбливала, а потому уже собиралась сказать, чтоб она засунула язык себе в задницу – хоть я редко ругалась, – но Эйден продолжала, словно не замечая Лорен:

– Перестань, Шоу, давай развлечемся. Сама знаешь, с предками не повеселишься, а двадцать лет бывает только раз в жизни. Нужно устроить что-нибудь необычное.

Янтарные глаза Эйден сверкнули, и я догадалась, что подруга затевает авантюру, от которой ее в жизни не отговоришь. Я сгребла бумаги в сумку, взяла деньги, которые придвинула ко мне Эйден, и начала считать. Мы всегда неплохо зарабатывали, но минувший день оказался особенно удачным.

– Давай потом обсудим, ладно? Я найду Луи, чтобы он нас проводил, если Гейб вдруг решил вернуться. Поедем домой.

Эйден взяла меня под руку, и мы направились к главному входу.

– Думаешь, у Гейба хватит наглости? По-моему, Рул и остальные довольно внятно объяснили, что будет, если он вернется, и Луи тоже велел Гейбу валить, иначе он его убьет.

– Не знаю, Эйд. Гейб очень странно себя ведет. Я и не думала, что он явится сюда и начнет выяснять отношения. Не понимаю, что происходит. Не то чтобы у нас была огромная любовь. Даже в лучшие времена мы относились друг к другу спокойно. Рул говорит, Гейб просто разозлился, что я его бросила, вот и все.

– Наверное, он прав.

Луи проводил нас до машины. Мы попрощались с ним и поехали домой. Всю дорогу я раздумывала, как лучше поступить. Как сделать так, чтобы Рул обрел в семье любовь и поддержку; чтобы Марго побывала у психотерапевта и перестала критиковать сына; чтобы Гейб забыл обо мне и просто жил дальше. Если честно, я до тошноты устала чувствовать себя ответственной за все на свете.

Следующая неделя промчалась незаметно. Я написала две контрольные работы, взяла дополнительную смену в баре и втянулась в увлекательную игру под названием «Избегай бывшего парня». Гейб тоже учился в Денверском университете на юридическом факультете, в другом конце кампуса. Он выскакивал буквально из-за каждого угла и звонил как минимум два раза в день. Я хотела поменять номер, но лень было возиться, так что я просто включала автоответчик, а при встречах делала вид, что не замечаю его.

Ром позвонил и сказал, что Марго в прежнем настроении. Она откровенно отказывалась идти к психологу и теперь винила Рула в том, что я перестала приезжать в Бруксайд на выходные. По словам Рома, она уверяла, что Рул настроил меня против нее. Ром не решался оставить мать одну, пусть даже Рул уговаривал его приехать в Денвер и повеселиться. Наверное, он чувствовал то же, что и я, разрываясь между матерью и братом. Я расстроилась, что он не

приедет на мой день рождения, но у Рома было столько забот, что я не стала жаловаться.

Когда подошли выходные, мне хотелось отказаться от воскресной смены в баре, просто чтобы избежать еще одного насыщенного сценами дня, но клиентов было полно, и, даже если Рул и пришел со своей компанией, я его не видела. По-прежнему странным казалось, что не нужно тащиться на воскресный семейный обед, но, когда смена закончилась – без головной боли, без обвинений, – я впервые за много лет вздохнула с облегчением. Я так расслабилась, что Эйден даже убедила меня прогулять семинар и сходить в мексиканское кафе. Впервые в жизни я стала сама собой – и даже не знала, как убить время.

Поскольку начался новый семестр, я буквально утонула в домашних заданиях, а потому отказалась от двух смен на неделе и оставила свободной субботу: это был мой день рождения, и все в баре знали, что Луи меня обожает и убьет любого, кто в день моего двадцатилетия попытается навязать мне смену. Вечером в пятницу я по-прежнему не получила ни одной весточки от родителей, а потому была уверена, что избавлена от семейного официоза. Впрочем, я получила приглашение от Марго на воскресенье. Я ответила, что охотно приеду, если приглашен также и Рул, и не получила ответа. Эйден помалкивала о своих задумках, и я занервничала. Я бы не стала возражать против суши и кино, но Эйден твердила, что нам нужно пообедать в городе, развлечься, попробовать что-нибудь новенькое. Выражение лица у нее было «пленных не берем», и я предчувствовала неладное, но старалась не утрачивать оптимизма, Эйден ведь хотела как лучше.

Я как раз выходила из аудитории после лекции по анатомии и набирала сообщение одной из официанток, чтобы та не забыла выйти вместо меня вечером, когда вдруг с кем-то столкнулась и немедленно отпрянула – с досадой и в ужасе. Передо мной стоял Гейб, безупречный и выхоленный, как обычно. Его темные волосы выглядели так, словно он безостановочно их ерошил, и, когда он протянул руку, я попятилась так быстро, что едва не упала.

– Что тебе нужно? – я пыталась говорить гневно и негодующе, но голос подвел. Пришлось откашляться, чтобы потянуть время и собраться с духом.

Он внимательно смотрел на меня своими синими глазами, а я ломала голову, отчего он вообще казался мне привлекательным. Сейчас на Гейба было страшно смотреть.

– Э… ты не отвечаешь на звонки, и в последнее время тебя не поймаешь.

– Потому что я не хочу ни говорить с тобой, ни встречаться. Уйди с дороги.

– Шоу, подожди.

Он вытащил что-то из кармана.

– Я помню, что завтра твой день рождения. Просто хотел сделал тебе подарок в знак извинения. Я страшно разозлился, когда подумал, что ты и правда ушла к тому придурку, но твоя мама объяснила, что между вами ничего такого нет. На, держи.

Гейб сунул мне бархатную коробочку, и я шарахнулась, словно он протягивал живую змею.

– Ничего не возьму. Отстань, Гейб! Я серьезно.

– Шоу, неужели ты правда веришь, что между тобой и тем парнем что-то может быть? Твоя мама сказала, ты сохла по нему со школы, а он на тебя даже не смотрел. Он не твоего поля ягода – ты для него слишком хороша, и он это знает. Дай мне еще один шанс, ведь мы так подходим друг другу.

Больше всего я хотела ему врезать. Но предпочла подождать, пока холод, охвативший меня при словах Гейба, не погасил пламя гнева.

– Нет.

Больше я ничего не сказала, только «нет». Потому что не видела необходимости изливать душу, или объяснять свои чувства, или подтверждать отлично известный мне самой факт – что, по большей части, Гейб был прав насчет Рула. Я не была для него слишком хороша, просто была чересчур «я», чтобы он мог взглянуть на меня как-то иначе, и сама смирилась с этим давным-давно. Я отступила еще на несколько шагов, потом развернулась на пятке и пустилась рысью, чтобы отвязаться от Гейба. Он что-то крикнул вдогонку, но я не стала слушать – спасалась бегством. Гейб сделался настоящим психом, и от того, что родная мать поделилась с ним самыми интимными подробностями моей жизни,

мне стало дурно. Просто не верилось, что женщина, которая даже не заметила, как я переехала из ее дома в университетское общежитие, с абсолютной точностью оценила мои чувства к Рулу. Я подумала: если Гейб не отвяжется, придется не только сменить номер телефона, но, возможно, и добиться судебного запрета.

Когда я пришла домой, в квартире было пусто, поэтому, как записной параноик, я удостоверилась, что все замки надежно заперты и щеколды задвинуты. Я ушла к себе в комнату, сделала задание и погрузилась в пучину жалости к себе. Я никогда не считала себя чрезмерно общительным и позитивным человеком – мной годами пренебрегали в родном доме и травили в школе. На некоторое время Реми сумел раскрыть позолоченную раковину, в которой я обычно пряталась. Я уверилась, что обрету себя, покинув Бруксайд и поступив в колледж. Но Реми погиб, а я по-прежнему тщетно пыталась понравиться людям, которые не ценили моих усилий.

Я хорошо одевалась и следила за собой, чтобы мои родители не забыли целиком и полностью о моем существовании. Я нянчилась с Рулом и закрывала глаза на его ужасное поведение, поскольку хотела напомнить Марго и Дейлу, что сын нуждается в их любви и заслуживает ее не меньше, чем погибший Реми. Я носила дурацкую форму на работе и терпела глупых девчонок и пьяных посетителей, чтобы рядом с Эйден была рассудительная трезвая подруга, на которую та могла положиться. По большей части я вела себя так, словно общение с Рулом, каждый день выбиравшим себе очередную жертву среди огромного количества денверских девушек, меня совсем не смущало, не убивало ничего в моей душе. Проделывая все это день за днем, я – настоящая я – превращалась в тень.

Я знала, по какой причине начала встречаться с Гейбом. Потому что он, хоть и отдаленно, внешне напоминал Рула. Темные волосы, синие глаза. Хоть он и был всегда чистенький и модный, чувствовалось в нем что-то озорное, и моя обычная сдержанность отступила. Но спустя несколько первых свиданий я поняла, что в Гейбе нет искорки. Я всегда искала что-то – или кого-то, – чего не могло быть. Гейб вел себя мило и вежливо, пока не осознал, что я не хочу физического сближения. Полгода – достаточно долгое время, чтобы успеть привязаться. Я это знала – но ничто не оправдывало странной навязчивости, которую демонстрировал Гейб теперь. Похоже, мне предстояло взвалить на плечи еще одно бремя.

А хотелось просто позабыть обо всем. Я натянула спортивные штаны, свернулась на кровати и включила телевизор. Эйден должна была вернуться с работы только после двух, так что я страдала в одиночестве. Конечно, молодой девушке следует проводить вечера в городе, развлекаться, перебирать телефоны друзей, с которыми можно провести в кои-то веки выпавший свободный вечер пятницы… но всего этого я была лишена, и оставалось только грустить. Недоставало только пары кошек и пинты мороженого для полноты картины. Досмотрев второй фильм и съев то, что принесли из китайской закусочной, я поклялась с головой окунуться в приключение, которое приготовила для нас назавтра Эйден, потому что я совсем отчаялась. Подруга была права: мне не хватало развлечений и позитива, и я заранее соглашалась с тем, что она придумала. Я заснула, наблюдая, как очередная придурковатая девица на экране делала себе фантастический макияж, потому что парень, в которого она влюбилась, не замечал, какая она красивая, если убрать очки и растрепанные волосы.

Я проснулась на следующее утро и обнаружила два поздравительных сообщения – от Рома и от папы. Как обычно, от мамы ни слова. Что характерно, от Марго тоже, и я с сожалением признала, что мне досадно. Решив приготовить завтрак, я отправилась на кухню. На столе стоял шикарный букет – но я вздрогнула, увидев имя на карточке. С Гейбом и впрямь пора было решать.

Эйден обычно вставала рано и каждое утро отправлялась на пробежку, вне зависимости от того, в котором часу накануне пришла с работы. Указав на цветы кружкой, подруга нахмурилась.

– Они лежали на крыльце, когда я вернулась.

– По-моему, пора обратиться в полицию.

– Если не ошибаюсь, у Гейба отец судья?

Я вздохнула.

– Да.

Избавиться от Гейба было сложнее, чем я думала.

– Хочешь, приготовлю завтрак?

Эйден покачала темной головой и возбужденно сверкнула глазами.

– Нет. Сегодня тебя ждет лучший день рождения в мире. Во-первых, мы сейчас пойдем в «Люсиль».

Я любила «Люсиль» – популярный креольский ресторан в Вашингтон-парк. Едва ли не единственное место за пределами Нового Орлеана, где готовили настоящие пышки.

– Ух ты, класс. Что еще в списке?

– Магазины.

Я поморщилась: ненавижу ходить по магазинам. На работе я носила дурацкую форму, а в остальное время дорогие модные шмотки, на которых настаивали родители. Мне ведь следовало одеваться, имея в виду ту работу, о которой я мечтаю, а не ту, которую имею. Как будто врачи не ходят в джинсах и футболке по выходным.

Увидев выражение моего лица, Эйден многозначительно ухмыльнулась.

– Нет, мы пойдем за покупками не как богатые девочки, а как обычные, нормальные студентки. В торговый центр, в мой любимый секонд-хенд, в один клевый винтажный магазинчик на Перл-стрит. И я не разрешу тебе, подружка, потратить больше пятидесяти баксов на одну вещь. Ни шпилек за двести долларов, ни кашемировых свитеров за пятьсот, ни брюк, которые шьют вручную слепые монахи в Андах. Давай побудем двумя обычными девчонками, которые тратят заработанные чаевые на всякое барахло.

А что, подумала я, и впрямь весело. Я никогда так не развлекалась.

– А потом, – продолжала Эйден, и ее глаза цвета виски драматически округлились, – пойдем в салон, сделаем прически и маникюр-педикюр. У одной девчонки в моей группе по химии такие классные волосы, целая грива, и она просто молится на этот салон. Прихорошимся, наденем нормальные шмотки и

пообедаем в бразильском ресторанчике, где нам обеим давно хотелось побывать…

План был отличный, от начала до конца. Я уже собиралась крепко обнять Эйден в знак благодарности, но она вскинула руку.

– Я еще не закончила.

На минуту она скрылась в комнате и появилась с розовым конвертом.

– А сейчас ты возьмешь очень классный и по-настоящему необходимый подарок на день рождения и пойдешь со мной. Неважно куда. Просто пойдешь. Я заставлю тебя развлекаться, даже если сдохну в процессе.

Я с легкой дрожью открыла конверт, пытаясь угадать, на что намекала Эйден. Внутри оказалось что-то маленькое и блестящее, с первого взгляда похожее на кредитку. Прочитав поздравления на открытке, я осторожно сняла оберточную бумагу и ахнула.

– Эйд, я не смогу этим пользоваться…

Я увидела на карточке свою фотографию и дату рождения – только годом раньше. Водительские права штата Колорадо. Почти не отличимые от тех, что лежали у меня в бумажнике.

– Сможешь-сможешь. Ты двадцать лет была паинькой, и мне до тошноты надоело, что ты лезешь из кожи вон. Большинство девчонок твоего возраста развлекаются, ходят в клубы, целуются с парнями, спят с кем попало, закатывают бурные скандалы подругам… а ты, Шоу, ничего этого не делаешь. Сегодня ты возьмешь карточку, пойдешь со мной и будешь вести себя как любая молодая идиотка, которой стукнуло двадцать. Мы напьемся, наделаем глупостей и повеселимся – честное слово, ты это заслужила! Я не помню, когда ты в последний раз смеялась или улыбалась. Сохнешь, пытаясь вести себя вопреки своей природе, и я больше не могу стоять и смотреть, как ты мучаешься.

– Мне будет двадцать один в следующем году…

Не знаю, с чего я взяла, что это веский аргумент, ведь Эйден была абсолютно права. Но отчего-то эти слова сорвались у меня с языка.

Она тряхнула головой.

– Какая разница? Тебе двадцать, а ведешь себя на пятьдесят.

Я вздрогнула. Во время последней поездки в Бруксайд Рул сказал то же самое. Со вздохом вспомнив вчерашнюю решимость покориться планам Эйден, в кои-то веки отпустить тормоза, я заправила прядь волос за ухо и расправила плечи.

– Ладно.

Эйден подняла брови.

– Ладно?…

– Да. Я согласна. Начнем веселье и буйство.

Она взвизгнула так, что я чуть не оглохла, подбежала и обняла, едва не вышибив из меня дух.

– Поверь, Шоу, ты никогда не забудешь сегодняшний день.

И Эйден была права, потому что вечер этого дня оказался поистине судьбоносным.

Завтрак в ресторане себя оправдал: мы так наелись жареной вкуснятины, что, придя в торговый центр, сделали несколько кругов, просто чтобы растрястись. Я примерила миллион джинсов и в конце концов купила несколько пар, ухватилась за кроссовки, о которых всегда мечтала, но не решалась купить, потому что родители назвали бы их неприличными. Я грудой складывала футболки и топики. В секонд-хенде я обнаружила старомодную кожаную куртку и несколько рубашек с перламутровыми пуговицами, которые идеально смотрелись бы с новыми джинсами в обтяжку. В винтажном магазине чуть не сошла с ума, потому что буквально влюбилась в платья в стиле пятидесятых и шестидесятых.

В некоторых я смотрелась совсем как героиня «Безумцев», а еще в двух – как Бетти Пейдж, только тоньше. Я купила ярко-синие туфли с перышками и блестками и круглую шляпку, которую, наверное, никогда не осмелилась бы надеть – только смотреть и восхищаться. А главное, мы с Эйден смеялись не умолкая, пока мерили одну вещь за другой. Как будто огромная тяжесть свалилась с моей груди. Мне было очень весело и досадно, что я совсем забыла, каково это.

В салоне мне покрыли ногти ярко-розовым лаком, и исключительно из озорства я попросила добавить маленькие черные звездочки. Это было круто и совсем не похоже на перламутровые бледные цвета, которые я обычно носила. Моя маникюрша щеголяла зелеными дредами и татуировкой на лбу, и я пришла в восторг, когда она улыбнулась и сказала, что одобряет мой выбор. В салоне царила веселая непринужденная атмосфера. В обычное время я бы чувствовала себя скованно, но все вокруг были такие внимательные и дружелюбные, что я расслабилась и стала наслаждаться. Моей прической занимался полный афроамериканец, очевидно гей, с блестящей лысиной и вытатуированным на ней огромным глазом, одетый в костюм с леопардовым принтом и туфли, которые уж точно стоили больше моих. Он был очень мил, сказал, что у меня шикарные волосы, и предложил сделать объемную стрижку, чтобы придать им блеска и жизни. Я уже ни против чего не возражала и даже попросила придумать что-нибудь оригинальное с цветом. Я обычно не красила свои светлые волосы – это выглядело бы слишком экстремально. Но темные глаза мастера радостно блеснули, когда я попросила что-нибудь необычное, но все-таки пристойное.

В итоге мои пепельно-светлые волосы обрели снизу легкий каштановый оттенок. Получилось броско и непривычно, но достаточно изящно, чтобы никого не отпугнуть. Больше всего мне понравилось, когда мастер разделил пополам мою безупречно прямую челку и одну половину сделал чуть темнее. Это было стильно, круто и совсем не похоже на то, как обычно выглядели мои волосы. От радости я крепко обняла его, когда уходила. Мастер обнял меня в ответ, наверное потому, что я оставила чаевые, которых хватило бы, чтобы куда-нибудь смотаться на выходные. Ну и ладно, зато выглядела я феерически.

Мы бегом вернулись домой, чтобы переодеться к ужину. Я надела то, что купила, – узенькую прямую юбку и ярко-синий топ с черной рубашкой, накрутила волосы, накрасилась ярче, чем обычно, и решила, раз уж на то пошло, надеть свои шикарные черные сапоги, от которых не отказалась бы и модель «Харлей Дэвидсон». Они придали мне рискованный вид – но именно так я себя и

чувствовала, после того как на целый день спустила свою истинную натуру с воображаемого поводка.

В ресторане официант, глядя на Эйден в узком красном платье, в котором ее длинные ноги казались просто бесконечными, буквально пускал слюни в бокал, когда подходил, чтобы подлить воды. Эйден заставила меня воспользоваться моей новенькой карточкой, чтобы заказать напитки, и все сработало, как по волшебству. Прежде чем я успела опомниться, мы обе уже забыли о своих печалях и развлекались, переходя из клуба в клуб и заглядывая в самые популярные, хоть и недорогие, бары на Кэпитол-Хилл. В большинстве мест не приходилось даже показывать поддельное удостоверение – оказалось, что узкая юбка и глубокий вырез действуют ничуть не хуже.

Я истерически смеялась, глядя на Эйден, которая передразнивала какого-то парня, отплясывавшего на танцполе. Мы привлекали массу внимания всюду, где появлялись, и редко платили за напитки сами. Какой-то парень из университета Колорадо принялся рассказывать мне про свою замечательную спортивную карьеру, ну или точнее он рассказывал об этом моей груди, потому что не сводил с нее взгляда. Эйден закатывала глаза и пыталась отшить типа в деловом костюме, который предлагал моей подруге бесплатную налоговую отчетность в обмен на номер телефона. Все это было глупо и страшно забавно, и я даже не особенно напрягалась, флиртуя и источая обаяние. Я уже здорово набралась и даже разговаривала с трудом. Впрочем, достаточно было изящно сидеть на табурете у стойки и улыбаться – то и другое у меня, судя по всему, получалось неплохо. Еще один коктейль, уж точно лишний, возник рядом сам собой, и футболист из Колорадо придвинулся еще ближе, когда вдруг шестое чувство, а может быть рефлекс «сражайся или удирай», включился на полную катушку.

Я подняла голову и развернулась на табурете, чуть не хватив размечтавшегося спортсмена коленом между ног. Вытянула шею, чтобы понять, отчего вдруг вся покрылась гусиной кожей, но увидела только обычную колыхавшуюся толпу. Футболист пытался вновь привлечь мое внимание, водя пальцем вверх-вниз по моей обнаженной руке, но я вдруг осознала, что пьяна, враз лишилась присутствия духа и просто пожелала ему исчезнуть. Внезапно мне захотелось уйти, я поискала глазами Эйден, чтобы взять такси и уехать. Прежде чем успела найти подругу, чья-то теплая рука коснулась моей шеи под волосами, а низкий голос негромко спросил:

– Блин, ты что тут делаешь, Каспер? И что с твоими волосами?

У футболиста глаза на лоб полезли, потому что… ну, Рул был в своем репертуаре. Он совершенно сбрил волосы по бокам и выкрасил свой ирокез, высотой в несколько дюймов, в ослепительно-белый цвет. Он щеголял в узкой черной футболке с изображением черепа в рогатом шлеме (из коротких рукавов торчали сплошь покрытые татуировками руки), черных джинсах с дырой на колене и тяжелых байкерских ботинках. Рядом со спортсменом в стильном свитере он просто обязан был выглядеть некрасиво и неопрятно… но не выглядел. Рул смотрелся сексуально и небрежно. И уж точно – как человек, с которым не стоит шутить. Футболист поспешно отошел от стойки и растворился в толпе.

Я была уж точно не в лучшем состоянии, чтобы выдержать стычку с Рулом, но мне самой нравилась моя прическа, и я надеялась, что он не испортит праздник целиком, тем более что он наверняка даже не помнил, какой сегодня день. Я стряхнула его руку и одним глотком допила терпкий коктейль.

– А ты что здесь делаешь?

Он удивленно поднял бровь, занял табурет, на котором прежде сидел футболист, и уставился мне в декольте.

– У нас салон прямо за углом. Мы с Нэшем всегда здесь после работы. Я только что закончил с клиентом. Кстати, на входе здесь спрашивают удостоверение. Как ты сюда попала?

Я откинула волосы, как бесчисленное множество раз делали на моих глазах всякие дрянные девчонки, и чуть не слетела с табурета, – последний коктейль явно был лишним. Я схватилась за край стойки, и Рул протянул руку, чтобы поддержать меня. Мой локоть вспыхнул огнем, когда он к нему притронулся. Я подумала, что зря не повиновалась рефлексу минуту назад и не бежала. Коснулась лба ладонью – и почувствовала, что вспотела.

– Мне пора.

В баре было слишком жарко и шумно; я понимала, что заблюю весь пол, если не выйду на свежий воздух. Сию секунду.

Я попыталась встать. Комната кружилась, как безумная. Пришлось ухватиться за мускулистое плечо Рула, чтобы удержаться на ногах. Хорошо, что я надела сапоги, а не шпильки – иначе я бы упала носом вниз.

– Кто тебя привез? – голос Рула доносился издалека.

Со вздохом я склонилась к нему и уткнулась носом в шею. От Рула приятно пахло. Он был такой высокий, что я дотянулась, только упершись в него.

– Серьезно, Шоу, как ты сюда попала?

– Мы с Эйден приехали на такси.

– Где Эйден?

– Треплется с каким-то банкиром. Мне надо домой…

Я почувствовала, что ноги подкашиваются; тогда Рул крепко обвил рукой мою талию и прижал меня к груди. Было очень приятно. Ни о чем более не задумываясь, я закинула обе руки ему на шею – и почувствовала именно то, о чем и думала.

– Ее подруга тут где-то болтается, свистни ей, ладно? Я отвезу Шоу к нам.

Я понятия не имела, к кому он обращается, но знакомый голос ответил утвердительно. В следующую секунду меня наполовину повели, наполовину понесли к двери. Охваченная холодным январским воздухом, я резко запрокинула голову, и Рул поставил меня наземь, удерживая рукой за плечи, вместо того чтобы тащить перед собой. Я обхватила его, прильнула к боку. Умом я понимала, что уже не контролирую себя, но ничего не могла поделать.

– До моего дома всего три квартала. Там я волью в тебя кофе, запихну чипсы или буррито и вызову такси. Ты еще бледнее, чем обычно. Если попытаешься сесть в такси прямо сейчас, заблюешь весь салон. С какой стати ты напилась и разоделась, как цыпа с обложки?

Я задрожала, когда ветерок обдул мои голые ноги, ткнулась холодным носом Рулу в бок и вдохнула. От него пахло антисептиком, сигаретами Нэша, гелем для волос, а главное, чем-то знакомым и теплым. За шесть лет нашего знакомства я никогда не подходила так близко к Рулу. Этого хватило, чтобы мой организм, истощенный от недостатка секса и пропитанный алкоголем, слетел с тормозов.

– По-моему, я сексуально выгляжу?

Мы остановились у светофора, и Рул сердито устремил на меня свои синие глаза.

– Шоу, в баре все парни нарезали вокруг тебя круги, как акулы вокруг наживки. Ты сама знаешь, что хороша, ну а что я думаю, неважно. Главное, скажи, с какой стати ты вдруг так нарядилась и пустилась в отрыв? Что происходит?

Мне хотелось огрызнуться, но я решила, что это чересчур, тем более что футболка у Рула на спине задралась, и моя рука касалась гладкой теплой кожи. Я преодолела еще один бордюр. Впереди показался знакомый дом. Рул крепче прижал меня к себе, и я даже не стала подавлять тихий вздох.

– Все думают, что я должна себя вести хорошо. Ты, мои родители, твои родители, девушки с работы, Гейб. Люди хотят, чтоб я делала то-то и то-то, вела себя так-то и так-то, шаг влево, шаг вправо, и мне это страшно надоело. Может быть, в кои-то веки я просто решила делать то, что хочу! И чувствовать, что хочу, и чтоб никто не осуждал и ничего не требовал взамен.

Рул молчал, пока мы поднимались по лестнице. Возможно, он пытался осмыслить мой пьяный бред; я и сама понимала, что мелю чушь заплетающимся языком, под стук зубов. Он открыл дверь. В квартире было тепло, поэтому я сбросила куртку и запустила дрожащие руки в волосы. А потом посмотрела на Рула и чуть не откусила себе язык. Он стоял, прислонившись спиной к двери, и рассматривал меня из-под капюшона. Не бросал саркастических шпилек, не игнорировал – просто смотрел. Я выдохнула и ощутила на языке терпкий вкус клюквенного сока.

Покачнувшись, я шагнула к Рулу. Пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до уха. Одну руку я положила ему на плечо, другой уперлась в дверь рядом с его головой и шепнула:

– Сегодня мой день рождения, Рул.

Я ожидала, что он осторожно отстранится, но вместо этого Рул взял меня за талию. Глаза на мгновение сверкнули, губы искривились, заставив сережку в углу рта сверкнуть.

– Прости, Шоу. Я не знал.

Я придвинулась ближе.

– Ничего… даже мои родители забыли.

Я стояла так близко, что прижималась к нему грудью. И, судя по всему, это не прошло незамеченным. Если бы я не отвлекалась на то, чтобы удерживать равновесие, стоя на цыпочках, я бы даже улыбнулась. Больше всего в жизни мне хотелось привлечь внимание Рула, заставить хоть что-нибудь почувствовать – что угодно, кроме безразличия.

– Ты можешь сделать так, чтобы этот день рождения стал лучшим в моей жизни…

Я старалась говорить уверенно, страстно и соблазнительно, но, скорее всего, получилось развязно и похотливо. Впрочем, меня это не смущало. Я, настоящая я, была здесь, с ним – та Шоу, которая страстно мечтала о Руле. И загнать ее обратно в клетку… нет, исключено.

Я не думала, не рассуждала – просто ухватилась за него, чтобы подтянуться еще выше и решительно поцеловать в губы. Колечко на губе у Рула оказалось удивительно холодным, ну а все остальное – горячим и твердым. Я ни о чем другом не мечтала, и, пусть даже Рул не ответил на мой поцелуй, все-таки решила, что это – лучший день рождения в моей жизни. Я опустилась с цыпочек на пятки, и вдруг что-то сдвинулось, что-то изменилось, и из безучастного зрителя Рул превратился в нечто совсем иное.

Глава 5

Шоу напилась – по-настоящему напилась. А еще она была одета в стиле ретро. Плюс сапоги, от которых у меня всегда слюнки текли. Я всю неделю ворчал и злился – это заметили друзья, клиенты, та девочка, с которой я встречался вечером в субботу. Я сам не понимал, в чем дело. Поначалу решил, что злюсь из-за Рома – почему брат не сказал матери прямо, чтоб она угомонилась и привела в порядок нервы? Я хотел, чтобы он провел время со мной и развлекся, прежде чем уехать обратно, но Ром, казалось, никак не мог расстаться с надеждой воссоединить нашу распавшуюся семью, а я не желал ссориться с братом, героем войны, блин. Я подумал, наверное, просто надо с кем-нибудь переспать, но блондиночка, которую я провожал домой в субботу, начала бесить меня еще в машине, на обратном пути. Когда мы к ней приехали, меньше всего я хотел видеть ее голой, поэтому просто взял и свалил. Воскресенье пришло и прошло, а настроение не улучшилось. Парни предлагали пойти в «Линию ворот», намекая, что, возможно, моральная порка от той ледяной красотки поднимет мне адреналин, но я отказался и целый день провел за компом. Я понятия не имел, в чем проблема, но теперь, держа Шоу в объятиях, стал догадываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/dzhey-kraunover/lubov-vne-pravil/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/dzhey-kraunover/lyubov-vne-pravil-kupit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити